

Каждому своё 3

Автор:

Сергей Тармашев

Каждому своё 3

Сергей Сергеевич Тармашев

Каждому своё #3Миры и войны Сергея Тармашева

В 2111 году мир сгорел в огне Великой Катастрофы. На планете воцарилась ядерная зима, яростные ветра метут облака чёрного снега по бескрайним, засыпанным радиоактивным крошечкам пустошам, а немногие уцелевшие укрылись в подземных бункерах. Но для выживания нужны топливо, медикаменты и продовольствие. И потому отряд капитана Порфирьева пробивается сквозь мороз, буран, радиацию и боевых роботов к хранилищу Росрезерва в надежде, что там ещё остались припасы. Порфирьев и его бойцы идут на огромные жертвы ради выживания, но они даже и не подозревают, что самая настоящая трагедия поджидает их дома, в бункере, куда они так торопятся вернуться...

Новый роман легенды русской боевой фантастики Сергея Тармашева продолжает повествовать о жизни людей, переживших ядерный апокалипсис!

Сергей Сергеевич Тармашев

Каждому своё 3

© Тармашев С.С., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Шестьдесят третий день после всемирной катастрофы, радиоактивные пустоши,
110 километров до точки входа в склады Росрезерва,

17.05, время московское

Медленно ползущий через грязно-бурую мешанину урагана вездеход вновь ударился о невидимое в бурлящем месиве препятствие и остановился, подрагивая под порывами мощного ветра. Сидящий в своем углу Овечкин скривился, сверяясь с хронометром скафандра, и бросил взгляд в ближайший иллюминатор. Не видно ни черта, все вокруг утонуло в беснующемся океане черного снега, хоть смотри, хоть не смотри – результат одинаков. И еще одно столкновение наглядно демонстрирует, что сидящему за штурвалом Порфирьеву из кабины видно ничуть не лучше. Хотя нет, сейчас вездеходом управляет Александр, бывший пожарный, а ныне старший техник Экспедиционного Корпуса – структуры, являющейся воплощением надежды на выживание их подземного отеля, в котором ни хрена нет. Экспедиционный Корпус! Антон невольно закатил глаза. Звучит настолько же громко, насколько жалко выглядит. Шестеро вояк плюс пара гражданских мужчин, не имеющих сколь бы то ни было полезной специальности, зато имеющих угрожающий уровень облучения, вот и вся рабочая сила. Толка от которой, помимо примитивных действий в стиле «подай-принеси-погрузи», ждать не приходится. Состав специалистов ЭК тоже не блещет: Владимир, совсем молодой пацан, проработавший техником на станции метрополитена то ли два, то ли три года; Александр, пожарный из ныне почившего МЧС; да сам Порфирьев. Впрочем, Порфирьев не специалист, он командир ЭК, и это правильно, потому что специалист из него никакой! Настоящий специалист здесь только один – это Антон Овечкин, дипломированный инженер-механик с почти десятилетним опытом работы. Попавший в рабство к военной хунте, по-другому и не сказать. Впрочем, Дилара права, все могло обернуться гораздо хуже.

– Двадцать пять минут до интоксикации, – в ближнем эфире раздался рык Порфирьева. – Дальше тянуть опасно. Нужно разворачивать базу.

– Нас ураганом не снесет? – Лейтенант выразил общую мысль, с тревогой вглядываясь в ревущую за иллюминатором грязную круговерть. – Там на ногах не устоять! Может, подождем немного? Минут десять в запасе есть, у нас ни у кого интоксикация минута в минуту не наступает, у всех есть запас. Вдруг ураган утихнет?

– А если нет? – парировал Порфирьев. – Если не утихнет, ты успеешь развернуть базу под таким ветром, в снегу и за десять минут? Все, кто в экзокорсетах, на выход! Остальным ждать указаний. Тех – Варягу!

– Тех на связи! – голос молодого техника пробился через шипение помех.

– Подводи грузовик вплотную ко мне! – велел капитан. – Хам, заякоривай прицеп и отцепляй от грузовика! Сомкнем грузовик с прицепом под острым углом, пусть хоть как-то рассекает воздушный поток. Так базу разворачивать будет легче.

– Я под таким ветром не развернусь! – запаниковал молодой техник. – Машину водит из стороны в сторону!

– Я сам развернусь, – успокоил его Порфирьев, – держи машину на месте, сейчас приду!

Военные распахнули грузовой люк, и рев урагана усилился втрое. Четверка облаченных в экзокорсеты солдат неуклюже выбралась наружу, люк захлопнулся, и Овечкин остался один, если не считать упирающегося в ноги контейнера с базой. Почему военные не забрали контейнер с собой, было понятно: сперва им предстоит надежно закрепить вездеход на воздушной подушке и грузовик с прицепом, которым сейчас управляет молодой техник, после чего составить все это в некое подобие барьера на пути урагана. Непонятно другое: насколько успешно они смогут сделать это под порывами ветра, играючи раскачивающего многотонный транспорт. Лишь бы из-за этих действий ничего не перевернуло ураганом. За недели мытарств по превратившимся в радиоактивную пустошь просторам необъятной Родины Антон четко уяснил простое правило: если начинается по-настоящему сильный ураган, нужно бросать все и разворачивать технику мордой точно навстречу

воздушному потоку. И поддерживать минимальную скорость, если есть возможность. Только так можно гарантированно избежать опрокидывания. Сейчас же Порфирьев собрался смыкать грузовик и прицеп друг с другом под острым углом. Антон, как инженер, понимал его замысел, но кто сказал, что ветер не сменится и не ударит внутрь этого рассекателя?

Вообще эта экспедиция началась и до этого момента проходила гораздо лучше его предыдущих злоключений. Инженеры и техники Брилёва сумели собрать из двух обычных грузовиков одни аэросани с прицепом. И то, и другое получилось здоровенное, каждое грузоподъемностью в двадцать тонн, и Овечкин испытывал сильные сомнения в том, что с таким грузом аэросани смогут идти по бесконечной радиоактивной свалке. Но умники Миронова заявили, что все рассчитано безошибочно, и если экспедиция будет беречь полозья аэросаней и прицепа, то они гарантируют работоспособность конструкции. Спорить с ними Антон не стал, лишь скептически ухмыльнулся про себя. Беречь полозья! Это как? На руках их через опасные места перетаскивать? Или третий глаз должен подсказывать водителю, где из-под черного снега, утопающего в черноте ядерной ночи, торчит какой-нибудь обугленный до черноты обломок пня или расплавленной бетонной балки? Это вам не за путепрокладчиком по комфортной пробитой дороге ехать, пока на улице еще тепло, нет снега и достаточно светло! Сейчас на поверхности в полдень так же темно, как в полночь! Он, Антон, это хорошо знает! Потому что сам каждую смену ползал по горному склону, пока монтировал кожух для ретранслятора и налаживал связь с внешним миром! Которую оказалось невозможно установить как раз по причине наглухо забитой радиоактивной пылью атмосферы!

Но уникамы Миронова были уверены в своей правоте, и доводы Антона посчитали неубедительными. Мол, в голове колонны будет идти вездеход на воздушной подушке, он более маневренный и лучше управляется, ему обнаруживать и объезжать препятствия не впервой, так что грузовику с прицепом остается лишь двигаться по следам вездехода «и все будет норм». Поначалу так и было. Порфирьев с пожарным вели вездеход, сменяя друг друга по мере усталости, когда глаза уставали вглядываться в висящую всюду бесконечную пылевую стену. За вездеходом двигался грузовик-аэросани с поставленным на полозья прицепом. Грузовиком управлял молодой техник, его менял бывший спортсмен-армянин, которому от Абрека достался радиопозывной «Весло». Почему «Весло»? Элементарно – потому что армянин в прошлом КМС по спортивной гребле. Овечкин в который раз мысленно закрыл лицо рукой. Вот что значит, когда власть попадает в руки дебилам в военной форме. Упивающийся своей всесильностью Абрек не пожалел даже своего, и лейтенант получил

позывной «Хам» всего лишь потому, что имел неосторожность иметь имя Хамиль. В том, что кровожадный головорез Абрек был уникально психически болен даже для вояки, Антон не сомневался.

К слову, второй гражданский активист из их команды получил от головореза позывной «Дно». За то, что посмел не иметь полезных навыков, ибо в прошлом был видеоблогером и специалистом по маркетингу в сети. Причем не самым плохим. Как выяснилось, Антон даже смотрел некоторые его подкасты и находил их достаточно интересными. Но из-за осунувшегося внешнего вида вкупе с недельной щетиной, да еще в респираторе, узнать его не смог, что неудивительно. Теперь Дно пытается в буквальном смысле на ходу осваивать навыки управления грузовиком. До войны он предпочитал использовать автомобили с автопилотом и сам водил слабо. Но винить его за это Антон бы не стал, потому что так поступало большинство людей, работающих в сети. Умнее заниматься делами в интернете, пока автопилот твоего автомобиля ползет через очередную московскую пробку, чем бездарно тратить это время на протирание руля ладонями. Он сам-то водил машину самостоятельно лишь потому, что жил недалеко от работы, и оплачивать подписку на автопилот было невыгодно. Ехать было недалеко даже через пробку, которая всегда образовывалась на выезде из офиса в одно и то же время. Поэтому на углубленные навыки управления автотранспортом Антон не претендовал и наотрез отказался вести грузовик, когда Порфирьев предложил ему сделать это. Еще не хватало врезаться во что-нибудь в этом бесконечном океане пыли и стать козлом отпущения. Вояки и так делают его крайним по поводу и без такового. Его дело – разбираться с высокотехнологичной техникой. Для этого Экспедиционному Корпусу и понадобился Инженер, не так ли?

К счастью, Порфирьев это понимал и заставлять Антона не стал. После того как Овечкин воплотил в чертежи и расчеты его план по созданию возле входа в «Подземстрой-1» внешнего ангара, отношение амбала к Овечкину улучшилось, и Антону стало доставаться меньше неприятностей. Капитан даже снял с него обязанности мусорщика, которые Абрек, услышав об этом, немедленно переложил на беднягу Дно. Но Антон заявил, что добровольно берется быть мусорщиком и дальше, при условии, что мусор он выносит только на марше. Абрек заржал и согласился, Порфирьев ничего не сказал, лишь бросил на Овечкина одобренный взгляд и велел Дно выносить мусор тогда, когда Антон занят работой по специальности. Остальные вояки ЭК тоже оценили его решение и стали относиться к нему заметно лучше. Антон скрыл усмешку. Прimitивные головорезы с примитивным мышлением. Просчитываются на раз! Стоило выразить готовность разделить с ними их низкоинтеллектуальный труд,

потому что на высокоинтеллектуальный они не способны, и примитивным это понравилось. Что ж, если им от этого легче, он не против. Лишь бы не кидались на него, как на чужака. А вытащить мешок с пустыми консервными банками и рваными обертками раз в сутки Антону не сложно. Наоборот, это намного легче, чем надрываться на разворачивании базы, когда счет идет на минуты, а каждый ее элемент весит десятки килограмм.

Тем более что сейчас с этим стало гораздо проще. Брилёв выдал Порфирьеву в дополнение к имеющейся паре экзоскелетов еще четыре штурмовых комплекта. Все это обеспечили необходимым запасом элементов питания, и теперь возиться с базой будут солдаты, оснащенные усилителями конечностей. Надрываться никому не придется. Правда, закованные в экзоскелеты солдаты занимают слишком много места, поэтому половина экспедиции вынуждена ехать в кузове грузовика, и это будет проблемой на обратном пути, когда грузовик и прицеп будут забиты продуктами под завязку. Но самого Антона это не коснулось, его из вездехода выгонять не стали, потому что Инженер – это уникальный ресурс, а остальное – заботы Порфирьева. Он что-то там организовал еще на стадии переделки грузовиков на тему радиационной защиты кабин, вот пусть сам и разбирается, раз такой начальник.

– Варяг – Хаму! – затрещал помехами эфир. – Прицеп заякорили! Оцепляю!

– Принял, – раздался в ответ знакомый рык. – Отведи людей, сейчас буду разворачиваться!

Лейтенант что-то ответил, но его слова утонули в громких помехах, видимо, он вышел из зоны уверенного приема. Антон выглянул в иллюминатор, но ничего не увидел в кромешной тьме бушующего черного снега. Он принялся двигаться от одного иллюминатора к другому и все же сумел заметить несколько мутных световых пятен. Похоже, подвести грузовик вплотную к вездеходу не удалось, и солдаты заякорили его где-то там, метрах в пятнадцати отсюда. Портативные рации скафандров в условиях сильной ионизации атмосферы цепляют плохо, а в таком урагане связь становится еще хуже, падая до двух-трех десятков шагов. Последнее время интенсивность ураганов сильно возросла, их продолжительность увеличилась, и это оказалось большей угрозой, чем ожидалось.

После технического обслуживания их вездеход на воздушной подушке, к тому же избавившийся от перманентного перегруза, оказался способен развивать

неплохую скорость. По крайней мере, шестьдесят километров в час он выдавал без проблем, и Порфирьев говорил, что ехать быстрее не получается из-за опасности столкновения. Видимость в условиях пропитавшей вечную ночь сплошной пылевой завесы слишком плохая, постоянно существует угроза столкновения, и чем выше скорость, тем выше опасность. Спорить с этим не стал никто, но Антон рискнул задать встречный вопрос:

– Олег, что мешает проложить безопасный курс? Твое снаряжение оборудовано навигационными средствами, ты же сам говорил, что прокладываешь маршрут по гирокомпасу! Мы уже трижды проходили этот маршрут, разве нельзя в четвертый раз двигаться по заранее заложенной в память безопасной траектории?

В ответ на это Порфирьев молча затащил Антона в кабину вездехода, посадил за штурвал и ткнул пальцем в сенсорную панель навигатора.

– Вот безопасная траектория, – прорычал он. – Проложена в обход пробок. Езжай!

– Я не водитель вездехода! – Овечкин попытался оправдаться, переводя взгляд с пыльной темноты за лобовым стеклом на отметку местоположения вездехода, светящуюся на тонкой черте проложенного курса. Кривой маршрут, спроецированный на лобовое стекло усилиями команды Миронова, ни о чем не говорил Антону. – У меня нет навыков вождения такого уровня!

– Их ни у кого нет, – флегматично заявил Порфирьев. – Никто не проходил обучение вождению в радиоактивной ночной пыли на глазок. Езжай! Заодно посмотрим, вдруг у тебя талант.

Пришлось подчиниться. Антон тронулся с места, осторожно набирая скорость километров десять в час, но уже через десяток секунд врезался во что-то невидимое в пылевом мраке. Оказалось, что двигаться по гирокомпасу можно очень приблизительно, ибо о смещении с траектории ты узнаешь лишь в тот момент, когда с нее уже сместился, а в условиях наглухо запыленной ночи ехать быстро попросту страшно, потому что ничего не видно, и с маршрута выскакиваешь чуть ли не постоянно. Вместо езды по прямой получается движение рваными зигзагами, и хорошо, если обходится без столкновений. Антон был вынужден признать свою ошибку и попросить остановить

эксперимент под предлогом сохранения вездехода. Порфирьев гробить машину не стал, и издевательство над Овечкиным прекратил, но на всякий случай Антон решил действовать так, как действовал во время экспедиции за водной скважиной, то есть не спорить с оголтелыми вояками и терпеть все молча. Это обидно, зато упрощает жизнь.

В общем, вездеход на воздушной подушке мог ехать быстро и аэросани с прицепом вроде как тоже. Но из-за никакой видимости Порфирьев не разгонял машину больше, чем до шестидесяти, да и то делал это только в условиях штиля и только там, где был уверен, что может ехать по прямой без угрозы столкновения, то есть фактически он вел вездеход по памяти. Сидящие за рулем аэросаней люди помнили маршрут значительно хуже капитана, у армянина с позывным Весло к тому же отсутствовал опыт вождения в условиях донельзя запыленной ночи, и стоило ему сменить за рулем молодого техника, как аэросани начинали отставать от вездехода, и колонна была вынуждена сбрасывать скорость. Но самой серьезной проблемой стали ураганы. Их возросшая интенсивность и увеличившаяся частота заставляли колонну двигаться медленно, а во время шквальных порывов ветра и вовсе едва ползти, надрывно завывая двигателями. Результатом всего этого явилось то, что к исходу цикла антирада из четырехсот семидесяти километров расстояния от Центра до Росрезерва удалось пройти только триста пятьдесят или около того и стало ясно, что добраться туда на одном цикле антирада на практике совершенно не реально, хотя теоретически это возможно.

– Олег! Сани сносит ветром! – эфир зашипел встревоженным голосом пожарного. – Я не могу удержать вездеход на месте! Меня закручивает!

Вглядывающийся в ночную пылевую муть Антон почувствовал, что вездеход действительно пятится под натиском бушующей стихии, и плохо виднеющиеся в иллюминаторах световые пятна прожекторов аэросаней медленно уплывают куда-то в бок.

– Держи курс! – рычание Порфирьева вынырнуло из треска помех. – Не позволяй урагану развернуть машину! Сбавь мощность, пусть тебя немного стащит назад, за грузовик! Потом заведешь вездеход за прицеп, укроешься за ним!

– Варяг, ты уткнулся в прицеп! – вклинился в разговор лейтенант. – Не дави! Якоря не выдержат! Из-под снега обломки уже выкорчевывает!

– Заякоривайте грузовик! – велел капитан. – Быстрее! Если сейчас сбросить газ, меня утащит хрен знает куда, я на полозьях под углом к ветру стою!

Несколько минут в эфире стояла плохо различимая возня, сказывались сильные помехи, потом прием улучшился, и Антон понял, что солдатам в экзокорсетах удалось задуманное. Грузовик и прицеп сомкнули друг с другом под острым углом и поставили на два якоря каждый. Благо команда Миронова изначально предусмотрела такую возможность. Овечкин поморщился. Эти вундеркинды сразу дали ему понять, что они птицы высокого полета, а он – нет. Заносчивые снобы! Да, он не является элитным специалистом-медалистом-прошедшим-всякие-отборы-силовых-структур. Но это еще не значит, что он хуже! В своей области он готов соревноваться с любым из людей Миронова! Он еще докажет, что его незаслуженно недооценивают! Представился бы только шанс!

Вздрагивающий под шквальными порывами вездеход отполз куда-то в радиоактивную тьму и натужно взвыл двигателями. Содрогающаяся машина пошла вперед, и Антон прильнул к окошку в перегородке между десантным отделением и кабиной, стремясь разглядеть, что происходит впереди. Отсюда увидеть что-либо конкретное не получалось, и с минуту он видел лишь приближающиеся пятна работающих впереди прожекторов. Чтобы ураганы не разнесли ходовую оптику вдребезги, на и без того бронированные стекла и прожекторы надели стальную сетку, спаянную техниками Брилёва из чего придется. Сейчас, под градом несущихся в ураганном потоке мелких камней и черных ледышек, это решение доказало свою здравость. Особенно в случае с вездеходом, лобовому стеклу которого досталось несколько пулевых попаданий во время прошлого похода на склады Росрезерва. А ведь это он, Инженер Овечкин, предложил это решение! Кое-кто из команды Брилёва был против, мотивируя это тем, что в Центре острая нехватка материалов, особенно металла. Но Порфирьев настоял, и план Антона воплотили в жизнь. Теперь каждый может убедиться в том, кто был прав!

Мутные пятна прожекторов приблизились, и Овечкин смог разглядеть сомкнутые в подобие рассекателя грузовик с прицепом. Канаты сдерживающих их якорей были натянуты, словно струны, в местах заякоривания из-под грязной снежной толщи вывернуло какие-то бетонные обломки, но в целом конструкция держалась. Для большей устойчивости солдаты в штурмовых комплектах придавливали полозья какими-то не то камнями, не то кусками раздробленных кирпичных стен, таская их из образовавшихся в результате выкорчевывания ям. Вездеход подполз к прицепу, частично скрываясь от урагана, и тряска

прекратилась. Потеряв лобовое сопротивление, машина резко рванулась вперед и чуть не врезалась в прицеп. Пожарный успел остановить вездеход в метре от борта прицепа, и появившийся в лобовом стекле лейтенант жестами и командами в эфире принялся указывать ему место для остановки. Вездеход медленно выполз к точке сочленения грузовика с прицепом и уперся в их борта.

– Глуши мотор! – зарычал Порфирьев. – Сдувай подушку и ложись на брюхо, усилишь конструкцию! Хам, разворачивай базу, десять минут осталось!

Грузовой люк распахнулся, и появившиеся солдаты в экзокорсетах выволокли наружу ящик с базой. Антон с тревогой посмотрел на хронометр. Они слишком долго возились со всем этим! Базу за десять минут не развернуть, кто-нибудь может заработать интоксикацию прямо на улице, посреди урагана!

К счастью, в экзокорсетах разворачивать базу гораздо легче, чем вручную, а опыт – вещь великая. Солдаты развернули базу за шестнадцать минут, несмотря на сильный ветер, к тому моменту интоксикация началась только у бывшего гражданского активиста с радиопозывным «Дно», но его успели втащить в спецпалатку достаточно быстро. Пока запускали фильтровентиляционную установку и затапливали печь, интоксикация свалила еще четверых, но в целом Антон посчитал все прошедшим довольно удачно. Главное, что он успел вовремя оказаться в безопасности, и никто не умер. Осталось пережить самое ужасное – интоксикацию. Если только за это время ураганом не снесет заякоренные машины, которые раздавят собой базу со всеми, кто в ней находится. Овечкин улегся на свое место и с обреченной тоской уставился на хронометр, отсчитывающий последние десять секунд перед интоксикацией. Неужели его мучения никогда не закончатся? Надо что-то делать, он не может вечно ползать по этим чертовым пустошам, корчась от жестоких мучений! Его организм не выдержит такого запредельного износа, ему не место в этом убогом Экспедиционном Корпусе, он должен заниматься тем, для чего предназначен: интеллектуальным трудом в безопасности! Ему необходимо во что бы то ни стало получить должность внутри Центра, а не снаружи!

Цифры на хронометре закончили отсчет, оповещая о начале интоксикации, но сжавшийся в ожидании мучений Антон не почувствовал ничего. Он замер, со страхом вслушиваясь в собственный организм, но прошла еще минута, а страдания не наступали. Может, его организм сумел полностью адаптироваться к антираду и теперь мучений не будет? Такого вроде бы ни с кем не случалось, но кто сказал, что Антон не может быть первым? Он всегда знал, что особенный,

с детства чувствовал, что не чета многим, и его успехи на ниве сетевого хэдлайнера убедительно доказывали этот постулат! Овечкин оглянулся, собираясь увидеть, кто еще на ногах, но кроме расплывчатого силуэта Порфирьева, склонившегося над корчащимся лейтенантом, не увидел никого.

– Олег! – Антон с воодушевлением вскочил с замызганной лежанки. – У меня интоксикация не начинается! – И тут же осекся, в ужасе понимая, что сообщать об этом кому-либо равносильно собственноручной подписи под обязательством вечно ходить в экспедиции ЭК. Надо срочно исправлять ситуацию! – Но мне очень плохо...

Удар жестокой боли, врезавшийся в мозг откуда-то изнутри черепной коробки, перебил дыхание, заставляя Овечкина задохнуться словами, и тело скрутило рвущими мышцы судорогами. Антона скрючило прямо на ногах, и он неуклюже рухнул на освинцованный резинопolyмер спецпалатки. Горло стиснуло кислотным удушьем, саднящий резью желудок вытолкнул в пищевод едкие рвотные массы, и Антон забился в тошнотных конвульсиях.

– Всем плохо, не ты один, – пылающие жаром высокой температуры воспаленные глаза не могли разглядеть сливающийся с окружающим фоном фотохромный комбинезон, лишь раскаленная кожа лба ощутила, как ее протирает что-то холодное и мокрое, источающее сильный запах медицинской химии. – Пора бы уже привыкнуть.

Порфирьев ушел, оставив несчастного Антона страдать от жестоких мучений, и погруженное в изуверскую боль сознание потеряло счет времени. Казалось, что еще немного, и он умрет, не выдержав бесконечной боли, но боль словно специально издевалась над Антоном, не усиливаясь сверх некоего предела. Отмучившись часов десять, Овечкин потерял сознание и рухнул в безликую бездну беспомощности.

Очнулся он от ощущения химической горечи в горле, провоцирующей редкий сухой кашель. Антон попытался прокашляться, но горечь не проходила, и он с трудом поднял голову, ища взглядом флягу с водой. Заранее оставлять рядом с собой фляги было бесполезно, люди во время конвульсий расшвыривали их по всей палатке так, что потом приходилось искать, а встроенной питьевой емкости в старых скафандрах МЧС не имелось. Овечкин мучительно скривился. Проклятый Брилёв, чертов людоед, мог бы выдать нормальный скафандр хотя бы ему! Если единственный Инженер в ЭК погибнет, кто тогда будет корячиться

в экспедициях?! Отправишь кого-нибудь из своих драгоценных уникамов?! Не жалко, нет? Хоть бы об этом подумал, дуболом военный...

Мутное зрение никак не обрело резкость, и Антон попытался потереть глаза руками. Оказалось, что он уже в гермошлеме, а муть перед глазами – это запачканный лицевой щиток. Овечкин распахнул гермошлем, облегчая задачу воспаленным от интоксикации глазам, и попытался обнаружить Порфирьева. В противоположной части палатки шевельнулся расплывчатый силуэт, перемещаясь от одного лежащего без сознания человека к другому, и Антон судорожно сглотнул, облизывая сухим языком пересохшие губы:

– Олег... дай воды... пожалуйста...

– Фляга рядом с тобой, – Порфирьев склонился над кем-то из солдат и принялся укреплять у него на шее какой-то медицинский прибор. – С другой стороны лежит. Рядом с капельницей.

Овечкин с трудом обернулся и нащупал непослушной рукой флягу. Плохо отвечающие на команды мозга пальцы сначала схватили блок опустошенной капельницы, пришлось разжимать кулак, выпускать коробку капельницы и тянуться к фляге. Антон дрожащими руками влил в себя половину емкости, и ему стало легче. В голове посветлело, зрение сфокусировалось, и он ощутил острую необходимость посетить санузел. Кое-как поднявшись на ноги, Овечкин побрел к ширме биотуалета, оглядывая погруженную в полумрак спецпалатку. Порфирьев, как всегда, вычистил рвотные массы и навел порядок, но кислый запах рвоты, ставший уже привычным, сильно давил на носовые пазухи. Видимо, уборка закончилась совсем недавно, на полу во многих местах были хорошо видны мокрые пятна на замытых участках освинцованного резинополимера, и фильтровентиляционная установка не успела очистить воздух. Кроме капитана и его самого в сознании не было никого, и Антон вяло подумал, что адаптация к антираду имеет ощутимый плюс: ему больше не придется вычищать за всеми биотуалет, потому как этим традиционно занимается кто-нибудь из тех, кто очухивается позже всех... Если только мизантроп Порфирьев не заставит Антона чистить сортир за какое-нибудь надуманное прегрешение. Потому что это является любимым развлечением в среде вояк, если им срочно захотелось унижить кого-нибудь. Особенно гражданского.

Чувство жажды не отпускало, и, вернувшись на свою лежанку, Овечкин вновь потянулся за флягой. Чтобы не оказаться виноватым, он нашел глазами

Порфирьева и спросил, на всякий случай прибегнув к замученным страданиями интонациям:

– Олег... можно, я допью флягу... тут только половина осталась... жажда мучит ужасно...

– Пей, – капитан укрепил блок капельницы на шее у очередного солдата. – Воды хватает.

Антон с жадностью опустошил флягу и отдышался.

– Это не опасно? – обеспокоенным тоном поинтересовался он. – Ставить капельницу на шею? Ты ему ничего не повредишь?

– Опасно. – Порфирьев проверил надежность крепления медицинской коробочки на коже лежащего без сознания человека и осторожно надел на него шлем. – Но снимать скафандр еще опаснее. Снегирёва обещала, что никто не пострадает, если пациент не будет двигаться.

– А если будет? – настороженно уточнил Овечкин. – Игла не порвет ему сосуды?

– Тебе же не порвала, – флегматично ответил капитан. – Судороги сильно выматывают. Когда люди после них засыпают, никто не двигается. Все лежат бревном несколько часов кряду. А эта капельница всего на полчаса ставится. Зато облегчает мучения. У тебя как самочувствие?

– Легче, чем обычно. – Антон прислушался к себе. – Я думал, это из-за адаптации...

– Адаптация сокращает продолжительность интоксикации и немного снижает ее болевые эффекты, – объяснил Порфирьев, с капельницей в руках направляясь к лейтенанту, спящему с болезненной grimасой на лице. – На полученные от интоксикации повреждения адаптация не влияет. Накопившие радиацию клетки все равно разрушатся и отравят тебя продуктами распада. Эта капельница должна облегчить их выведение.

- Это специальный препарат для противодействия интоксикации? - предположил Антон. - Вроде антидота? Это из противорадиационных запасов «Подземстроя»?

- Нет никакого антидота для антирада, - капитан принялся устанавливать капельницу на шее лейтенанта, - я же тебе говорил. Я не знаю, что в этих капельницах. Снегирёва намешала что-то специально для нашей экспедиции и перезарядила использованные реанимационные блоки.

- Они же вроде одноразовые? - забеспокоился Овечкин. - Это не вызовет проблем?

- Одноразовые, - согласился Порфирьев. - Зато их можно поставить на шею, не снимая скафандра, да еще шлем сверху надеть. Обычная капельница через скафандр до вены не достанет, даже если проколется. А перезаряженный реанимационный блок работает. Насчет проблем - скоро увидим. Если у тебя не начнется заражение крови, значит, Снегирёва не ошиблась.

- Почему именно у меня? - насупился Антон, напоминая себе не злить Порфирьева.

- Потому что я тебе первому ставил такую капельницу.

- Почему именно мне? - Антон насупился еще сильнее. Этот отморозенный мизантроп ставит эксперименты на единственном Инженере. Наверное, с точки зрения контуженного вояки, это гениальное решение.

- Потому что самому себе ее на шею не поставишь, - ответил капитан. - А ты первый, кто перестал дергаться после судорог.

- Я первый? - удивился Овечкин. - Мне казалось, меня часов десять ломало!

- Три с половиной часа, - поправил Порфирьев. - У тебя хорошая адаптация. Только хронометр на скафандре отрегулируй, часы спешат. Видать, сбилось что-то в настройках.

Он продолжил возиться с капельницами, и Антон улегся на свою лежанку. Заниматься калибровкой электронных систем скафандра придется по возвращении в бункер, для этого нужно оборудование и соответствующее программное обеспечение. Пока придется просто учесть, что хронометр спешит минуты на две, а еще стоит выяснить, не сбоит ли в скафандре еще что-нибудь. Но этим можно будет заняться позже, впереди почти сутки сидения в спецпалатке. Оказавшись в лежащем положении, Овечкин ощутил, как на измученный интоксикацией организм наваливается усталость, и закрыл глаза, стараясь не обращать внимание на завывания бушующего снаружи урагана.

Проснулся он от ощущения вздрагивающего под лежанкой пола. Антон испуганно подскочил, принимая сидячее положение, и едва не потерял равновесие от новой вибрации. Ближайшая к нему стена спецпалатки ходила ходуном, словно простыня, вывешенная сушиться на бельевую веревку на ветреной улице. Колеблющаяся стена была жестко соединена с полом, из-за чего ее вибрации передавались напольному покрытию, и размещенная на нем лежанка вздрагивала вместе с Овечиным. В первую секунду Антон подумал, что спецпалатка сейчас развалится, и ринулся искать Порфирьева, но оказалось, что никто уже не спит, и все молча лежат или сидят на своих местах, напряженно прислушиваясь к завываниям беснующейся стихии.

– Что происходит? – Овечкин постарался говорить спокойно. – Почему нас так трясет?

– Ураган пришел с противоположной стороны, – ответил лейтенант, безразлично косясь на трепыхающуюся стену утомленным взглядом.

– Палатка выдержит? – Антон наспех пытался рассчитать предел прочности базы, учитывая ее немалый вес и усиленный свинцовыми нитями каркас. – Нас не опрокинет?

– Не знаю, – пожал плечами лейтенант. – Не должно вроде. Лишь бы якоря на технике не оборвало, а то останемся здесь посреди пустоши...

В этот момент Овечкин понял, что если ураган пришел с противоположной стороны, то сейчасдвигающиеся на огромной скорости воздушные массы бьют не в собранный из транспорта рассекатель, а, наоборот, давят ему в тыл, упираясь во внутреннюю поверхность образованного машинами острого угла,

грозя разметать держащуюся на примитивных якорях конструкцию.

- Крепления могут не выдержать! - Антон вскочил на ноги и устремился к лежащему у стены Порфирьеву. - Олег! Надо что-то делать! Пока не поздно!

- Что ты предлагаешь? - хмуро посмотрел на него капитан. - Нам еще двенадцать часов нельзя принимать антирад. Без него наружу не выйти.

- Что будет, если принять его раньше срока?

- Отравление, - Порфирьев недовольно скривился, словно вспоминая что-то очень неприятное и болезненное. - По ощущениям такое же, как интоксикация от передозировки. Только наступает сразу. И десяти минут не пройдет, как всех скрутит. Выживут не все.

Полученная информация резко охладила пыл Овечкина, и несколько секунд Антон беспомощно глядел на трепыхающиеся стены базы, каждая из которых весила почти четыре десятка килограмм. Бьющие в них снаружи камни врезались во вздувающийся пузырь резинопolyмер с такой скоростью, что на секунду их неровная поверхность проступала через толстую фактуру стен.

- Можно как-нибудь усилить базу изнутри? - вопрос Порфирьева вывел его из ступора.

- А? Что... да, наверное... то есть можно! - спохватился Антон. - Солдаты в экзокорсетах весят достаточно много, они могут создать собой дополнительные ребра жесткости, я покажу, где надо встать! Они смогут выдержать удары летящих камней?

- Небольших - смогут, - Порфирьев посмотрел на лейтенанта: - Хам?

- Ну... - Лейтенант настороженно глядел на вздувающиеся стены, на резиновой поверхности которых отпечатывались попадания разогнанных ураганом камней. - Такие камни штурмовой комплект выдержит, это так... Главное, лицевой щиток под удары не подставлять... И чтобы ничего побольше не прилетело... Надо полубоком стоять, так надежнее всего...

– Расставляй людей! – велел Порфирьев, поднимаясь на ноги. – У нас шесть штурмовых комплектов, можешь обойтись четырьмя? Двоих бы оставить на подмену, мало ли что.

– Попробую! – Антон торопливо проводил в уме расчеты, вычисляя точки, в которых импровизированные ребра жесткости будут эффективнее всего.

Через пару минут он расставил закованных в экзоскелеты солдат в нужные места, и палатка стала трястись ощутимо меньше. Зато теперь прилетающие снаружи камни врезались в металл экзоскелетов, издавая зловещий грохот, и Антон вздрагивал от каждого удара, словно он сам был живым ребром жесткости. Получающие удары солдаты непроизвольно сжимались внутри своего снаряжения, но не отступали и терпеливо принимали удары, морщась не столько от боли, сколько от натянутых нервов. Полчаса оборону против стихии удавалось удерживать, и Овечкин даже решил, что опасность миновала, потому что ураганы сейчас не длятся долго, и наверняка с минуты на минуту буйство стихии прекратится по обыкновению столь же внезапно, как началось.

Внезапно натиск стихии резко усилился, и через завывания урагана донесся громкий вибрирующий хлопок, словно где-то неподалеку лопнула натянутая струна. Почти сразу же раздался глухой звук удара металла о металл, словно что-то большое и тяжелое врезалось во что-то подобное.

– Якорь лопнул! – Молодой техник вскочил и бросился к входному пологу. – Машины срывает!

– Стой! – ринулся к нему Порфирьев, на ходу выдергивая из подсумка пенал с антирадом. – Антирад прими! Всем оставаться здесь! Выходим вдвоем, если не справимся – крикнем по радиации! Кто будет выходить – помнить, что отравление начнется через десять минут!

Он добежал до техника и собрался открыть пенал с антирадом, как вдруг взбесившаяся стихия принесла с собой что-то тяжелое, и снаружи во входной полог ударило нечто большое. Удар пришелся точно по усиливающему собой входной полог солдату в экзоскелете, его отбросило внутрь палатки, и он снес собой Порфирьева с Владимиром. Треск мощных липучек, удерживающих входной полог по всему периметру входа, потонул в завываниях урагана, вход в базу распахнулся и внутрь ввалилась здоровенная глыба грязно-бурого льда не

меньше метра в поперечнике. Глыба вкатилась в палатку, но зацепилась за вбитый внутрь входной полог и остановилась. Придавленный ею полог сильно натянулся, деформируя стену базы, спецпалатку перекосило, и вся конструкция начала опасно крениться.

– Палатка сейчас сложится! – заорал лейтенант, бросаясь к полураспахнутому входу, из которого внутрь базы порывами урагана вбивало потоки черного снега вперемешку с мелкими камнями.

Он уперся руками в глыбу и попытался вытолкнуть ее наружу, попутно освободив зажатый ею входной полог, но глыба была неровной и уперлась во что-то, находящееся под полом спецпалатки.

– Помогите ему! – Порфирьев подскочил на ноги и захромал к лейтенанту. – Быстрее!

Он попытался приподнять глыбу, чтобы та перестала упираться в невидимое под полом препятствие, но грязно-бурая ледяная поверхность крошилась под его руками, и подхватить ее удалось не сразу. Ближайшие солдаты опомнились и ринулись на помощь Порфирьеву с лейтенантом, и Антон запоздало закричал:

– Нет! Держите ребра жесткости!

Он тоже ринулся к глыбе, но было уже поздно. Лишившись усиления, потерявшая герметичность, перекошенная спецпалатка не выдержала давления урагана и начала заваливаться набок. Овечкин понял, что сейчас база сложится и накроет их всех, а потом ее просто раздует ураганным ветром, или разорвет изнутри, или унесет в пустоши. Все, кто не переломается при этом насмерть, погибнут от радиации или отравления через несколько минут после. От страха он сжался и закрыл глаза, закрывая руками голову, но обрушения все не происходило.

– Ветер стих! – закричал лейтенант.

– Ни хрена он не стих! – прорычал Порфирьев. – Направление сменилось! Выталкиваем эту хрень, пока не поздно! Навались!!!

Овечкин открыл глаза и увидел, как лейтенант и капитан с молодым техником упираются в ледяную глыбу, и облаченный в экзоскелет солдат, которого ею сбило, вновь на ногах и пытается помогать им при помощи усилителей конечностей. Пару секунд им не удалось надежно упереться в грязно-бурую ледяную поверхность, потом солдат все-таки изловчился подхватить ее где-то снизу, и глыбу перевернули, сдвигая с места и высвобождая прищемленный входной полог. Сразу стало понятно, почему метровый ледяной ком оказался таким тяжелым: теперь было хорошо видно, что в базу врезался обломок разможенного железобетона, облепленный слоем грязного льда.

- Осторожно! Там арматура торчит! - Антон бросился на помощь. - Не порвите пол!

- Выдержит! - Порфирьев навалился на обломок всем телом. - Полог придержи! Быстро! Надо вытолкнуть ее наружу и закрыться, мы без антирада!

Оказаться перед распахнутым входом, из которого бьет незримая смерть, было очень страшно, и Овечкин подбежал к самому обрезу сильно накренившегося дверного проема, чтобы находиться максимально сбоку от выхода. Он подхватил тяжелую полу и изо всех сил потянул на себя, открывая выход. Тяжелая освинцованная резина вырвалась из не привычных к таким нагрузкам пальцев, и пришлось рисковать жизнью, сдвигая полог всем телом.

- Быстрее! - панически воскликнул Овечкин, изо всех сил придавливая телом полог к покосившемуся полотну палаточной стенки. - Я получаю облучение!

Но в следующую секунду волна ужаса выбила мысли об облучении из его головы. Через открывшийся вход Антон увидел, почему прекратился едва не снесший базу ураган. Ураган не прекратился, и его бешеный натиск не менял своего направления. В десятке шагов от входа в базу, посреди забитого радиоактивной пылью мрака, стояла зловещая человекообразная фигура трехметрового роста. Пятисоткилограммовый силуэт, облаченный в подобие мешковины, замер между базой и ураганом, и потоки ревущей стихии беспомощно били ему в спину, отражаясь куда-то в радиоактивную тьму, словно ужасающий силуэт имел ширину раз в тридцать больше видимой. Кроваво-красные глаза гиганта источали пронзающую душу ненависть, и Овечкин ощутил, как от вспыхнувшего животного ужаса холодеет внутри. Робот видит его насквозь и жаждет его смерти!

– Роботы! – сдавлено выдохнул он, чувствуя, как от страха отказываются шевелиться конечности.

– Навались! – полупрошептал, полупрорычал Порфирьев. – Всем залечь! Рассредоточиться!

– Он нас не видит! – испуганный шепот лейтенанта то тонул в помехах, то звучал чище. – Иначе бы уже давно атаковал! У них тяжелое вооружение, сразу по площадям бьют! Он нас еще не заметил! Он видит базу!

– Выталкиваем эту хрень на хрен! – тяжело выдохнул капитан. – Быстро!

В трещащем эфире слышалось сипение смешавшегося друг с другом человеческого дыхания.

– Закрываемся! – одно из сипений превратилось в рык Порфирьева. – Овечкин! Отпусти полог! Да твою же мать, отпусти! Хам! Тащи его внутрь!

Что-то оторвало окаменевшего от ужаса Антона от земли и потащило внутрь базы. Опомнившийся Овечкин увидел, что обледеневшего железобетонного обломка уже нет в палатке, Порфирьев судорожными рывками задергивает входной полог, солдаты бросаются на пол подальше друг от друга, хватая оружие, а самого Антона волочет лейтенант в дальний угол базы.

– Вырубай фильтровентиляционную установку и печь! – рычащим шепотом велел Порфирьев. – Свет погасить! Обогрев скафандров отключить! Никому не двигаться!

Его силуэт отпрыгнул от задернутого входа, прижался к полу и слился с грязной резиновой поверхностью. Хам бросил Овечкина в угол и ринулся подальше, выискивая наиболее свободное место среди рассредоточившихся на полу людей. Монотонный гул фильтровентиляционной установки оборвался, и база погрузилась в кромешный мрак. Антон вжался в пол, замирая, и голову заполонил гулкий стук заходящегося от страха сердечного ритма.

Минут двадцать ничего не происходило, потом пальцы рук и ног начали мерзнуть, но пошевелиться Овечкин не рискнул. Потом завывания урагана резко

прекратились, и наступил штиль, погружая все вокруг в звенящую тишину. Треск липучек, заменяющих дверные замки входному пологу, в наступившей тиши прозвучал, словно хруст лопающихся от перенапряжения нервов, и Антон подпрыгнул от страха. Роботы входят в палатку!!! Сейчас его убьют!!! Но куда бежать?!!

- Что там? - едва слышно прошептал в эфире лейтенант. - Видишь их?

- Перед входом пусто, - так же тихо откликнулся капитан. - Снегопад идет, не видно ни хрена...

Панически мечущийся на месте Антон заметил вдали маленький клочок тусклого света и понял, что Порфириев подполз к выходу и приподнял входной полог настолько минимально, насколько мог.

- Не заметили! - в голосе лейтенанта звучало облегчение вперемешку с неподдельным счастьем. - Они нас не заметили!

- Точно? - недоверчиво прорычал Порфириев. - Мне казалось, что он мне прямо в душу смотрит...

- Это так кажется, - все еще шепотом возразил Хам. - Роботы используют инфразвук или что-то типа того, генерал говорил, что такие наработки у нас тоже были. Но зрение у них лазерное! На самом деле он нас не засек! Пыль помешала, как тогда, когда ты с ним столкнулся! Иначе бы мы все уже на том свете были! Они обнаружили базу, просканировали и решили, что тут живых нет! Но на всякий случай печку лучше не врубить!

- Странно как-то... - задумчиво изрек Порфириев, приоткрывая входной полог чуть шире. - Два месяца прошло, а они до сих пор работают. Они что, на ядерных двигателях?

- Наверное, - неуверенно согласился Хам. - А может, их вместе с грузом запасных аккумуляторов сбросили! Закрой вход, облучаешься! Сейчас нельзя высовываться, они какое-то время бродят по району, который посчитали подозрительным! Потом уйдут прочесывать соседний, это часа через два, раньше они так действовали! Пока лучше не шевелиться!

– Пальцы мерзнут, – вышел в эфир Весло. – Можно обогрев включить?

– У вас нет защиты от тепловизора! – предостерегающе воскликнул лейтенант. – Они могут вас засечь! Надо потерпеть два часа! Все лежим так, как лежали!

Час все провели неподвижно, тщательно имитируя трупы, потом вгрызающийся в ступни и кисти рук холод стал нестерпимым, и измученный холодной резью Антон сообщил о надвигающемся обморожении. Военным обогрев выключать не приходилось, они, возможно, могут и сутки так пролежать, а вот у него уже зубы стучат и пальцы одеревенели так, что их не чувствуется... Порфирьев выслушал его измученную тираду, и царящую внутри спецпалатки тишину вновь нарушил треск открывающейся липучки. На этот раз обнаружить пятно света Овечкину удалось не сразу, оно оказалось значительно выше, чем на уровне пола.

– Нас снегом засыпало примерно на полметра, – сообщил Порфирьев. – Всем гражданским включить обогрев и сместиться ко мне! – В темноте вспыхнул фонарь, заставляя Антона зажмурить отвыкшие от света глаза. – На ноги не вставать, лежать по обе стороны от входа!

Пришлось добираться до капитана ползком, упираясь в пол одеревеневшими конечностями. Несколько минут Овечкин лежал, стуча зубами, потом потеплевший скафандр отогрел перемерзшие ноги, и в них вгрызлась сильная режущая боль. Подвывающий от мучений Антон катался по полу, остальные гражданские чувствовали себя примерно так же, и страдающее сознание рисовало мрачные картины надвигающейся смерти.

– Помогите! – хрипел он. – Олег! Поставь мне капельницу! Я облучился у выхода!

– Не нужна тебе капельница, – безразлично прорычал капитан. – Ты перемерз, это нервные окончания отходят после обморожения, чувствительность возвращается. Терпи, скоро пройдет. Хам, запускай фильтровентиляционную установку, дышать становится тяжело, получим отравление углекислотой и не заметим. Печку пока включать не будем, потерпим еще час.

Освещение включили, и капитан распределил солдат собирать нанесенный ветром внутрь базы черный снег вперемешку с радиоактивной пылью. Промерзшую спецпалатку вычистили, как смогли, снег выбросили наружу, еще через полчаса вновь растопили печку. К тому моменту боль прошла, все

вернулись в норму, и Порфирьев велел приступить к раздаче сухих пайков для приема пищи. После многочасового голодания есть хотелось ужасно, но взвинченная нервная система часто принимала стук ложек по металлу консервных банок за лязг приближающихся роботов, и Антон постоянно вздрагивал, испуганно замирая и прислушиваясь. Судя по дерганому поведению остальных, все испытывали такие же ощущения, и до самого начала следующего цикла антирада никто не решался повышать голос. После обеда Порфирьев велел всем спать, но из-за не прекращающегося страха Антон так и не смог сомкнуть глаз. Во всей спецпалатке, кроме самого Порфирьева, уснуть не сумел никто, и Овечкин в очередной раз пришел к выводу, что должен любой ценой покинуть Экспедиционный Корпус прежде, чем все они умрут жестокой смертью в очередной экспедиции. Если Порфирьеву до такой степени наплевать на собственную жизнь, что он запросто спит чуть ли не под ногами у смертельно опасных роботов, то это его проблемы. Своей жизнью Антон рисковать не намерен.

Оставшаяся часть суток прошла в напряженном ожидании, и к моменту начала следующего цикла антирада никто выходить наружу желанием не горел.

– Лейтенант! – Порфирьев достал из литерного пенала красно-белую капсулу антирада и принялся жевать горькую гадость с недовольной гримасой на злобной физиономии. – Я выйду, посмотрю, что снаружи. Всем принять антирад и быть в полной боевой готовности! Если услышишь стрельбу или взрыв, попытайся быстро вывести людей к машинам. Может, повезет, сумеете завестись и оторваться. Фиксируй маршрут по гирокомпасу, на обратном пути заберете базу, вряд ли роботы станут уничтожать пустую палатку, раз не уничтожили ее сразу. Вопросы?

Вопросов у Хама, естественно, не было, хотя на его месте у Антона возникло бы вопросов двадцать. Порфирьев проверил герметичность снаряжения и принялся открывать входной полог. Вход распахнулся, и внутрь базы немедленно высыпалось килограмм пять грязно-бурого снега. За минувшие сутки палатку сильно занесло снегопадом, и выход оказался закрыт метровым сугробом. Капитан не стал возиться с расчисткой и вылез наружу напролом, обрушив внутрь спецпалатки еще одну порцию радиоактивной дряни, раза в три большую, чем в первый раз. Базу придется чистить снова, но в данный момент такие мелочи никого не волновали. Все залегли подальше друг от друга, все, что можно, обесточили, и база вновь погрузилась в ледяную темноту.

Порфирьева не было двадцать три минуты, и Антон почувствовал неладное. И словно в воду глядел. Не прошло и тридцати секунд, как вход в палатку приоткрылся едва-едва, и в образовавшуюся щель пролез мутный расплывчатый силуэт с автоматом в руке.

– Ничего не включать! – рычащим шепотом произнес в эфире Порфирьев. – Роботы рядом!

– Где они? – нервно прошептал лейтенант. – Что делают? Прочесывают район?

– Ходят вокруг нашей техники, – ответил Порфирьев. – Но на прочесывание не похоже, они не расширяют зону поисков. Скорее, патрулируют.

– Они ждут нас! – в голосе Хама несложно было уловить нотки страха. – Найти не смогли, теперь ждут, когда мы сами придем за транспортом!

– Что же делать? – Молодой техник своим вопросом выразил мысль, возникшую в этот момент у каждого. – Вдруг они могут ждать нас месяцами!

– До Росрезерва ехать три часа, – капитанский рык не повысил тона, будто Порфирьев боялся, что роботы услышат его рычание. – То есть у нас в запасе есть четыре часа. Подождем. Если они не уйдут за два часа, дождемся снегопада и попытаемся незаметно пробраться к технике. Если они действительно плохо видят в пыли, то во время снегопада шансы есть.

– За два часа те, у кого нет защиты от тепловизора, – Антон осторожно намекнул на очевидное, которое военных конечно же интересует мало, – получают обморожение.

– Включайте обогрев, – разрешил капитан. – И ложитесь вдоль стен, палатку сильно засыпало, снег послужит помехой в какой-то степени... раз у них так плохо с системами обнаружения... – в голосе Порфирьева мелькнули странные нотки, что-то вроде смеси скепсиса, сомнения и недоверия. – Будем надеяться...

Он умолк, и два часа все лежали молча, не произнося ни слова и почти не шевелясь. Потом капитан снова ушел на разведку, и напряженное ожидание возросло. Но на этот раз вернулся он быстро.

– Сворачиваем базу! – Входной полог распахнулся, но заметить расплывающийся в пыльной тьме силуэт Порфирьева Антон не смог. – Быстро! Кто их знает, сколько у нас времени!

– Они ушли? – уточнил лейтенант, зажигая фонарь.

– При мне уходили, шесть минут назад, – подтвердил капитан. – Я проверил, возле техники никого не осталось. Но вернутся они или нет, я не знаю.

– Они периодически патрулируют местность, которую считают подозрительной! – заявил Хам, устремляясь за походным контейнером, в который укладывались элементы разобранной базы. – Если они не собрались уйти из района насовсем, то обязательно вернутся! Сколько их?

– Я видел четыре пары глаз, – ответил Порфирьев. – Но если по следам смотреть, то их, кажется, больше. Там снег снова пошел, трудно разобрать точно. Зато наши следы засыплет быстро, если поторопимся.

Уговаривать никого не пришлось. Люди поторопились так, что базу собрали не просто за рекордный срок, а чуть ли не вдвое быстрее обычного. Позже повторить этот рекорд никогда не получалось, но в тот момент было не до рекордов. Навьюченные люди ринулись к технике, утопая в глубоком снегу, и Антон с ужасом разглядывал цепочки здоровенных следов, испещрившие пространство вокруг транспорта. Это просто супервезение, что роботы не стали уничтожать показавшуюся им безжизненной палатку, а обходили ее стороной. Вопрос: насколько хватит этого везения?!

Быстро запустить засыпанную грязным снегом технику не удалось, и полчаса ушло на откапывание транспорта и реанимацию двигателей. Аэросани запустились первыми, вездеход на воздушной подушке пришлось приподнимать силами всех облаченных в экзокорсеты солдат, потому что он застрял в скрытых под снежным покровом обломках не то леса, не то здания. К счастью, никаких поломок не произошло, и в конце концов его винты взвыли, нагнетая воздушную подушку. Все очень быстро полезли в кузова, занимая свои места, и колонна двинулась в путь, стараясь держать как можно более высокую скорость. Первый час все безотрывно смотрели в иллюминаторы, каждую секунду ожидая увидеть в грязной пылевой мути кроваво-красные точки лазерных систем обнаружения, потом Порфирьев заявил, что колонна отошла от места столкновения с роботами

на полсотни километров, и охватившее людей напряжение начало спадать. Люди стали улыбаться, поздравляя друг друга с редкостным везением, и только у Антона хватило интеллекта задать самый очевидный вопрос:

– Как они оказались там, где оказались? В ста десяти километрах от Росрезерва? Вдруг они пришли именно оттуда? Или еще хуже – направились туда? Нам предстоит провести там больше суток, вдруг они явятся на склады в это время?

– Предлагаешь все бросить и повернуть обратно? – безразличным тоном поинтересовался Порфирьев. – За шестьдесят километров до цели? А в итоге нас все равно сюда отправят.

Овечкин хотел было возразить, что жизнь дороже, но понял, что, во-первых, Порфирьеву плевать на его жизнь, а, во-вторых, на его жизнь, как и на жизни всех остальных, плевать Брилёву, который действительно отправит их сюда снова. И не исключено, что полковник-людоед не станет даже впускать их в бункер, как это произошло в самый первый раз.

– Хочу сказать, – Антон осторожно уточнил свою мысль, – что опасность еще не миновала.

– Согласен, – буркнул капитан. – Доберемся до складов – примем меры. Базу развернем где-нибудь в хранилищах, подальше от входа. Если роботы доберутся дотуда, осторожно запремся в складе и попытаемся сымитировать, что он засыпан изнутри. Если они запрограммированы на поиск живых людей и не стали уничтожать пустую палатку и технику, то обойдут склады и рано или поздно уйдут. Если у кого-нибудь есть дельные предложения – излагайте.

Следующий час все обдумывали, каким образом разместиться на складах так, чтобы обезопасить себя в случае появления роботов, и Антон очень надеялся, что не случится самого страшного: к моменту их прибытия на склады Росрезерва роботы уже будут там. И из-за все усиливающегося снегопада не получится даже определить это по следам, потому что их засыплет. Черный радиоактивный снег валил с неба сплошным потоком, и через замызганное бронестекло иллюминатора казалось, будто вездеход двигается по дну моря, состоящего из отходов какого-нибудь супергрязного и ядовитого промышленного производства. Хронометр показывал без четверти десять вечера, пылевая темнота за бортом слилась с темнотой ночной, и вне световых

пятен прожекторов видимость абсолютно отсутствовала. Что там было видно управляющим транспортом людям, из салона было не понять, но и так ясно, что видели они не много. Скорость движения упала до тридцати километров в час, и несложно было догадаться, что заметить появление смертельно опасных роботов заблаговременно водители не смогут. Снова приходится надеяться на удачу, а удача, как известно, не бывает вечной.

- Подъезжаем! - рык Порфирьева прервал размышления Овечкина. - Всем боевая готовность! По моей команде десант спешивается и рассредоточивается вокруг транспорта!

Склады уже рядом! Антон почувствовал нарастающий страх. Ему казалось, что ехать еще минут двадцать, а уже все! Или Порфирьев заметил роботов?!

- Ты их видишь? - нервным шепотом вышел в эфир Антон.

- Голых баб? - устало уточнил амбал. - Или въездные ворота?

- Роботов! - Антон скрыл возмущение. Он стерпит насмешки, это увеличивает шансы на выживание, а выживание сейчас приоритет номер один. - Если они будут стрелять по машинам, может, пока не поздно, лучше выйти всем?

- Противника пока не наблюдаю, - прорычал капитан. - Гражданским сидеть внутри и ждать команды! В эфир не выходить! Десанту перейти на армейскую частоту, канал номер девять! Колонне - стой! Десанту - к машине!

Вездеход остановился, находившиеся в нем солдаты, гремя экзокорсетами, выскочили наружу, люк захлопнулся, и через имеющееся в нем окно стало видно, как замирает световое пятно ходовых прожекторов,двигающихся следом аэросаней. Оставшемуся в одиночестве Антону стало не по себе, и он прильнул к окошку в перегородке между кузовом и кабиной. В кабине оказалось пусто, и в первую секунду Овечкина охватил страх. Неужели водитель увидел нечто такое, что заставило его покинуть вездеход?! Антон вжался в перегородку, лихорадочно размышляя, не стоит ли ему как можно быстрее выбраться наружу. Вездеход для роботов отличная мишень, а он внутри этой мишени обречен на стопроцентную гибель! В следующую секунду водительская дверь внезапно распахнулась, и Овечкин едва не заорал от страха.

– Что случилось?! – он едва не задохнулся, задавая вопрос влезавшему на водительское сиденье пожарному. – Почему ты выходил?

– Чтобы за руль пересесть, – тихо ответил Александр, – Олег вездеход вел...

– Гражданским сохранять радиомолчание! – вышел в эфир Порфирьев. – Фонари не включать! Водителям погасить все огни!

Пожарный торопливо потыкал в сенсоры бортового компьютера, позади также вырубил свет, и все вокруг погрузилось в непроглядный мрак. С минуты Овечкин не видел даже собственных рук, потом глаза начали привыкать к темноте, и он начал различать иллюминаторы и лобовое стекло, виднеющееся через окно в кабинной перегородке. За бортом все еще шел черный радиоактивный снег, где-то вверху угадывалось небо, остального не было видно из-за нависающих справа и слева стен прорытого к воротам складов каньона.

– Александр, ты видел ворота? – шепотом спросил Овечкин. – Возле них есть следы роботов?

– Не видел, – еще тише прошептал пожарный. – До ворот метров пятьсот, Олег остановил колонну заранее. Тихо! Он велел соблюдать радиомолчание!

Спорить Антон не стал, но от полученной информации ему стало еще тревожнее. Какое еще радиомолчание?! Порфирьев увел всех военных за полкилометра, бросив остальных тут, среди каньона, из которого в случае чего вездеход не сможет выйти даже задом, потому что его подперли аэросани! Овечкин тут в ловушке, как приманка для роботов, да и остальные гражданские люди тоже! Мог бы хотя бы объяснить, что происходит, чтобы люди не пребывали в неведении! Но объяснять, понятное дело, нацик-мизантроп никому ничего не собирался, потому что он всех ненавидит, а гражданских еще и презирает. Овечкин ни капли не удивится, если окажется, что Порфирьев не обращает внимания на бегающую за ним на задних лапках Снегирёву именно потому, что она забывает в его присутствии нацепить на медицинский халат армейские погоны. Может, подать дельную мысль Брилёву? Пусть властью диктатора, то есть начальника Центра, присвоит Снегирёвой какое-нибудь звание потолще! Глядишь, и личная жизнь наладится!

Антон попытался криво улыбнуться шутке, но смешно было от слова «никак». Попытка отвлечься от давящего на сознание страха только усугубило панические ощущения, и Овечкин окончательно удостоверился в том, что веселиться в условиях смертельной опасности могут только психически нездоровые люди. Что абсолютно логично, во-первых, и было ясно и так, во-вторых. Черный юмор военных – деревянный, как Буратино. Потому что им пользуются исключительно обладатели больной психики. Нормальные полноценные люди в условиях смертельной опасности испытывают страх за свою жизнь – это естественная реакция здоровой психики! Инстинкт самосохранения, заложенный природой!

Затягивающаяся неизвестность пугала все сильнее, и Антон с трудом удерживал себя от попытки выйти в эфир и потребовать от Порфирьева объяснений. Удерживало только то, что, если опасности нет, то амбал-мизантроп обязательно расквитается с Овечкиным за то, что тот посмел нарушить его великий-превеликий приказ. А если роботы близко, то они могут отсканировать Антона, найти и убить. Двадцать минут прошли в наполненном страхом томительном ожидании, потом за стеклом иллюминаторов зашевелились какие-то массивные тени, и Овечкин от ужаса едва не заорал и не умер одновременно. Он понял, что роботы все-таки нашли колонну и сейчас взорвут вездеход прямо вместе с ним. Они же атакуют живых людей, как только засекут, а сейчас в кабинах сидят водители! Бежать!!! Надо вырваться из этого стального гроба, пока не поздно! Роботы плохо видят, снаружи идет снег, у него есть шанс! Антон ринулся к заднему люку, распахнул его и бросился куда-то в грязную снежную тьму, утопая в глубоком снегу.

И тут же налетел на что-то твердое, плывущее через радиоактивный снегопад. Нога врезалась в бетонную поверхность, колено обожгло болью, и Овечкин упал в черный снег, подвывая от боли.

– Антон, это ты? – голос кого-то из солдат глухо донесся из гермошлема, и боец переключился на гражданскую частоту: – Овен, ты как, живой?

– Живой... – просипел Овечкин, корчась от боли. – Нога...

– Жаль! – вклинился в эфир злобный рык Порфирьева. – Какого хрена ты делаешь на улице? Залез в машину и заткнулся! Бегом марш! Не то вторую ногу отобью!

Встать на ногу было нереально больно, пришлось добираться до вездехода на карачках. Пока Антон полз назад, скользя перчатками скафандра по скрытому под снегом обледеневшему грунту, боль начала стихать, и он сумел осмотреться. Оказалось, что военные в экзоскелетах, объединившись попарно, тащат какие-то здоровенные бетонные обломки. В темноте грязного снегопада их сливающиеся силуэты выглядят одним угрожающим целым, и Антон принял их за боевых роботов. Кое-как вскарабкавшись в кузов вездехода, Овечкин закрыл люк и принялся растирать плещущее болью колено. Минут через пять солдаты потянулись обратно, потом в эфир вышел Порфирьев и приказал водителям на малом ходу двигаться к воротам. Колонна пришла в движение и поползла к воротам. Как только вездеход вошел внутрь, капитан велел аэросаням останавливаться перед въездом и глушить двигатель.

– Всем зайти внутрь! – прорычал он в эфире. – Грузовик с прицепом остается снаружи!

– Не лучше ли завести внутрь всю технику? – поинтересовался Антон, вылезая из вездехода. – Это позволит нам укрыть ее от роботов... – Он осекся, замечая изменения, произошедшие со складами с момента последней экспедиции: – Что здесь происходило?

Пустой ангар был заполнен следами человеческих ног и обрывками упаковочных материалов, кое-где лучи наשלемых фонарей выхватывали из мрака валяющиеся на полу разбитые транспортировочные ящики. На устилающей бетонную поверхность возле выезда грязно-бурой снежной грязи отчетливо виднелись отпечатки гусениц.

– Кто-то побывал здесь совсем недавно, – ответил Порфирьев. – Они погрузили что-то на тяжелую технику и ушли. Но не просто так. Ворота подперли баррикадой из бетонных обломков и заминировали ее. Хорошо, что было это совсем недавно, баррикаду не успело засыпать снегом слишком сильно. Удалось снять мины без летального исхода. Наш грузовик и прицеп на полозьях, по асфальту они будут заходить сюда слишком проблемно, а груженными потом вообще не выйдем. Пусть остаются снаружи. Заодно послужат препятствием, если эти вернуться. Их больше, чем нас, единственный шанс удержать оборону – подавить огнем в узком месте и не позволить пройти каньон. До интоксикации еще есть время, поэтому пока запираемся внутри и приступаем к обследованию складов. Гражданским от вездехода не отходить! Тут могут быть еще мины. Базу пока разворачивать не будем.

Капитан оставил четверых бойцов охранять вход, велел одной паре патрулировать каньон, второй ждать внутри и менять первую, чтобы снизить общую дозу полученного облучения. Остальных военных Порфирьев забрал с собой и ушел проверять склады на предмет мин. Пожарный завел вездеход на обычное место, сдул воздушную подушку, и все влезли в кузов, чтобы не мерзнуть. Минут двадцать все обсуждали произошедшее, не имея никакой информации, потом к ним присоединилась только что вернувшаяся из каньона пара солдат. Люди потеснились, освобождая места для бойцов в экзоскелетах, и отогревающиеся солдаты внесли немного ясности в произошедшее.

– Этих, – один из военных неопределенно кивнул в иллюминатор, – было человек пятьдесят, не меньше. У них был танк или что-то подобное, а еще бульдозер и вездеход с навесной землеройкой. Так Варяг сказал. Они пришли сюда пару суток назад и ушли совсем недавно, двух часов не прошло. Если бы мы не столкнулись с роботами, то столкнулись бы с этими прямо здесь. Ничего хорошего из этого бы не вышло.

– Почему вы так уверены? – поинтересовался Антон больше по привычке дискутировать, нежели из-за несогласия. И так ясно, что если сюда приходили военные, то конструктивного диалога от них ожидать бесполезно.

– Потому что те, кто минирует продовольственные склады, вряд ли намерены делиться продуктами, – криво ухмыльнулся солдат, полностью подтверждая правоту Антона. – У них явно проблемы с техникой. Ее меньше, чем имеющихся ртов, поэтому они загрузили весь доступный транспортный объем и запечатали тут все, чтобы вернуться. Судя по следам на полу возле ворот, половина десанта уходила отсюда пешком. Видимо, мест в кузовах не хватило, все забило продовольствием, поэтому оставшиеся поедут обратно, сидя на броне. Но у них скафандры высшей защиты. Видимо, уверены, что продержатся, иначе попытались бы оставить лишних здесь. Вообще странно, что не оставили. Не понимаю почему. Раз им все равно сюда возвращаться. Может, их бункер очень далеко, как наш... Короче, ситуация опасная. Чтобы нас не застали врасплох, мы их баррикаду разобрали, перетащили вглубь каньона, и Варяг установил на нее их же мины, которые он снял. Если эти вернуться, то по-любому подорвутся. Мы услышим и успеем занять оборону.

– Почему вы уверены, что они не снимут мины так же, как это сделал Порфирьев? – Антон позволил себе скепсис. – То, что сумел закрыть один,

сможет открыть другой, это закон сети!

– Не знаю, как в сети, – солдат усмехнулся, – а ловушки на водяной скважине, которые Варяг ставил, никто снять не смог. Ни хваленые спецы Абрека, ни даже мегамозги Миронова. Если бы не это, кто знает, пустили бы нас в Центр вообще! В чем-то ты, конечно, прав, на каждый хитрый зад всегда найдется болт с резьбой, но лично я бы не пошел снимать ловушки Варяга ни за какую цену. Мертвому блага не нужны. Так что пока Варяг с нами, я расцениваю свои шансы выше, чем у тех, у кого Варяга нет.

Все конечно же с ним согласились, и Антон не стал спорить. В текущей обстановке профессия головореза стала одной из наиболее востребованных, изменить это, к сожалению, не в его силах. Но он может показать людям, что выживание зависит от убийц как минимум не всегда. Поэтому Овечкин перевел разговор в другое русло, предложив обсудить тему предстоящей погрузки. Например, можно попытаться поискать на складах что-нибудь, имеющее скользкое покрытие, выложить этим пространство перед входом и пересыпать снегом. Что позволит загнать внутрь складов аэросани с прицепом или хотя бы что-то одно из них поочередно. И можно будет грузить их в более-менее безопасной обстановке, а не на смертельно опасной поверхности под радиоактивным снегопадом. Народ ухватился за его мысль, и некоторое время люди развивали предложение, вспоминая, насколько скользкой является та или иная упаковка, потому что, если на складах и есть что-то ненужное в таких количествах, то это всевозможная упаковка, которую можно снять с коробок и ящиков.

Еще через двадцать минут отогревшиеся солдаты ушли патрулировать каньон, а на их места уселась вернувшаяся оттуда пара. Вновь прибывшие сообщили, что снаружи все спокойно, грязный снегопад продолжается, ни странных визитеров, ни роботов не видно. Даже их собственных следов уже не осталось, радиоактивная грязь с неба сыплет как из ведра. Вскоре вернулся Порфирьев, и ситуация прояснилась.

– У наших жадных незнакомцев много людей и мало техники, – повторил он слова солдата. – Они загрузились под завязку и ушли, рассчитывая вернуться. Брали только продовольствие, даже воду не тронули. Они поняли, что сюда кто-то регулярно наведывается, и заминировали двери во все продуктовые склады. Я снял несколько мин, остальные ворота мы пометили. Потом как-нибудь разминировем, когда времени будет больше и обстановка попроще. Заодно

взрыватели перемерзнут плюс обольем азотом – меньше риска. Так что ходите осторожнее, до помеченных ворот не дотрагиваться! Продуктов нам хватит. И это странно.

– Почему? – не понял Антон. – Что странного? Это же склады Росрезерва, здесь должно быть много продуктов, нет?

– Странно то, что даже ты это понимаешь, – глаза капитана иронично сверкнули, – а наши жадные незнакомцы – нет. Они не могли не заметить, что тех, кто приходил сюда до них, было немного. Брилёв привел сюда чуть больше трех десятков человек... ну, здесь еще нашел десятка полтора... Нас и вовсе было мало, а во второй раз стало еще меньше... Они не могли этого не понять.

– Хочешь сказать, – Овечкин благоразумно пропустил издевку мимо ушей, – что продуктов здесь хватит на всех с лихвой? Зачем они все заминировали?

– Угу, – хмуро поморщился капитан. – Ты видел, какие тут склады? Даже с учетом того, что половину раздавило взрывом и обрушением, нам надо раз пятнадцать сюда приехать со своими санями и прицепом, чтобы полностью вывезти отсюда только продовольствие. А ведь тут еще полсклада с материальными ценностями, которые в сложившейся ситуации может бросить только полный идиот. Что бы тут ни лежало, все можно смело грузить, не глядя.

– Производства больше не существует, – согласился Антон. – Пригодится все что угодно, вплоть до обрывков упаковочной обертки. То есть ты считаешь, что эти люди опасаются, что некто вывезет все продукты до их возвращения?

– Не знаю, – пожал плечицами амбал. – Но выходит так. Другого объяснения я пока найти не могу. Зачем еще им минировать склады? Они не оставили здесь вооруженную охрану только потому, что у них на всех была одна база. Они, кстати, разворачивали ее там же, где мы обычно. И даже не стали минировать это место наверняка потому, что не хотели повредить палатку. А если мы подорвемся на минах при въезде, упакованная база, скорее всего, не пострадает.

– Они могли оставить здесь солдат без базы, если у них есть специальные противорадиационные скафандры высшей защиты, – Антон непонимающе нахмурился. – Почему они не сделали это?

– Потому что здесь радиационный фон вырос настолько, что даже в противорадиационных скафандрах все умрут спустя сутки, – ответ Порфирьева заставил Овечкина вздрогнуть.

Он невольно скосил глаза на индикаторы лицевого щитка. Счетчик Гейгера показывал четыреста рентген в час. Учитывая, что это внутри вездехода, который находится не на поверхности, а внутри складов. Значит, радиация на складах за прошедшие недели выросла до угрожающих значений! Привыкший к относительной безопасности складов Антон только сейчас понял, что не знает истинного значения радиационного фона вокруг.

– Насколько здесь опасно? – Он непроизвольно съежился, убеждаясь, что люки вездехода герметично закрыты. – В смысле, там, снаружи, внутри складов?

– Без антирада и в скафандрах можно находиться только внутри спецпалатки, – ответил капитан. – Так что грузить придется под антирадом. Иначе никак.

– То есть мы здесь задержимся надолго? – Антон вновь почувствовал страх. – За это время сюда могут явиться эти головорезы или вражеские роботы!

– Ты Инженер, вот и займись составлением максимально эффективной логистики, или как там это называется, – заявил Порфирьев. – Через час начинается интоксикация, времени у тебя будет достаточно. В наших интересах погрузиться за один цикл антирада, чтобы с началом следующего отправиться обратно без лишних промедлений. Тогда мы сможем обогнуть место встречи с роботами на доступной скорости и успеем отойти от него чем дальше, тем лучше. За сутки жадные незнакомцы сюда однозначно не вернуться, им до дома путь неблизкий, за один цикл антирада они точно не добираются, иначе не стали бы минировать склады. Если только... – амбал замолчал, нахмурившись.

– Если только что? – Антон напрягся еще больше.

– Если только они не планировали уничтожить именно нас, – закончил Порфирьев. – В смысле, экспедицию от «Подземстроя-1».

– То есть? – не выдержал кто-то из доселе молчавших активистов. – Почему это мы угроза?

– Ну а кто может вывезти отсюда крупные объемы ценностей быстро? Например, все продовольствие разом? – вновь пожал плечищами капитан. – Только те, у кого много людей и много транспорта. Раз наши жадные незнакомцы из силовиков, значит, знают, что из многолюдных бункеров в округе шанс выжить был только у «Подземстрой-1». Людей в нем полно, а ангары для законсервированной техники здесь пусты. Они могли сделать вывод, что «Подземстрой-1» уцелел, и оттуда сюда ездят экспедиции, которые намерены вывезти склады подчистую. Что, собственно, мы и запланировали. Только они не в курсе наших возможностей, поэтому постарались принять меры.

– Почему вместо мин просто не оставить нам сообщение? – вскинулся Антон. – Здесь полно продуктов, мы можем договориться!

– Договориться о чем? – уточнил Порфирьев.

– О разделе продовольствия!

– А зачем кому-то делить с нами продовольствие? – Направленный на Овечкина взгляд амбала был невозмутим. – Чтобы умереть от голода раньше, чем можно было бы?

– Но они могли бы хотя бы попытаться! – не сдавался Антон. – Они же не знают, что у нас перенаселение, могли бы попросить, чтобы их пустили жить в «Подземстрой»!

– Попросить впустить в «Подземстрой» можно по-разному, если помнишь, – капитан сделал неопределенный жест. – Можно, как мы. А можно, как Брилёв. Если они наставили тут столько мин, то вывод сделать нетрудно.

– Хочешь сказать, что они планируют нападение на Центр? – вступил в разговор лейтенант.

– Не знаю, – Порфирьев покачал головой. – Но исключать такое я бы не стал. Скорее всего, их смутил сам факт того, что мы вывозим отсюда продовольствие. Они знают, что «Подземстрой» автономен, всякие теплицы, биофермы, гидропоника... С их стороны логично возникновение вопроса: зачем нам с риском для жизни возить за полтысячи километров продукты в радиоактивной упаковке

через радиоактивные пустоши, если у нас имеется абсолютно безопасные и самые современные системы автономного продовольственного обеспечения?

– Может, тогда ты ошибаешься? – предположил Овечкин. – И они опасаются не нас? То есть не «Подземстрой»? А кого-то другого?

– Может, и так, – не стал спорить капитан. – Но только тогда кого? Уцелевших крупных бункеров поблизости нет, они не могут об этом не знать, если уж в Раменках к моменту атаки роботов все были в курсе, что шансы выжить имел только «Подземстрой» и подземный город под уральскими горами. Если кому-то еще и повезло, как им самим, то это не крупные убежища, народа там спаслось немного, и двести тонн продовольствия они за пару ходок не вывезут. Угрозу для них представляет только очень большое скопление ртов, а это «Подземстрой-1», больше никому.

– Как-то противоречиво звучит, – Антон постарался высказать свое несогласие с амбалом как можно более корректно. – Они опасаются «Подземстрой» из-за того, что мы планируем вывезти отсюда продукты, и одновременно знают, что рискованное продовольствие нам не нужно, потому что у нас есть собственное самое современное продовольственное обеспечение. Не понимаю!

– Они сидели где-то под землей два месяца, – возразил Хам. – И только сейчас вылезли наружу. Это означает, что их бункер был рассчитан по стандартам силовых структур: на срок от двух до шести месяцев автономного существования. И это, сто процентов, был не самый важный стратегический объект, иначе бы по ним отстрелялись, как по всем остальным. Наверняка это ФСБ, у них было достаточно старых бункеров, не несущих иных функций, кроме эвакуационной. Поэтому и выжили. Никаких биоферм там нет, так что выбора было немного. У них начали заканчиваться продукты, и они рискнули добраться до складов Росрезерва. Организовали экспедицию, добрались, а тут выясняется, что кто-то здесь уже побывал и вывозит куда-то к себе все что хочет. Причем этот кто-то с самого начала имел тяжелую технику, которой прорылся сюда, внутрь складов, а потом еще забрал всю технику отсюда и куда-то увез. И с тех пор регулярно возвращается, несмотря на непроходимое бездорожье. А кто мог, с их точки зрения, уцелеть в такой мясорубке и при этом сохранить технику? Особенно если учесть, что у «Подземстрой-1» какая-то техника была, и никто не знает о том, что ее раздавило в лепешку вместе с горой и всем, что под ней находилось? А продукты могут понадобиться «Подземстрою» по каким угодно причинам. Например, свиней кормить на биофермах. Или из-за перенаселения.

Из-за поломок на биофермах, вызванных землетрясениями, их самих наверняка тоже трясет, они не могут это не учитывать. Да мало ли причин! Ты бы стал минировать склады от тех, кто тебе не угроза?

– Я бы не стал прибегать к насилию в любом случае! – с достоинством ответил Овечкин. – Но вот какой-нибудь Брилёв точно заминировал бы весь мир, даже если бы знал, что за продуктами сюда приходит всего один-единственный человек!

– Если столкнемся с ними, то у тебя будет возможность выяснить детали. Отправим тебя переговорщиком, – флегматично пообещал Порфирьев. – А пока предлагаю исходить из того, что они настроены враждебно. Их бункер утратил автономность, значит, рано или поздно они все равно погибнут. Единственный выход для них – это перебраться в «Подземстрой». Но транспорта у них меньше, чем личного состава, поэтому сразу к «Подземстрою» они не пошли. Сначала добрались досюда, в надежде найти продовольствие и технику. Не удивлюсь, если в их первоначальных планах было найти здесь технику, чтобы на ней отправиться в «Подземстрой» в полном составе. Но оказалось, что техники тут нет, зато «Подземстрой» с высокой вероятностью жив и здоров, и даже вывозит отсюда продукты и какое-то оборудование, а хранилище противорадиационных средств вообще опустошено подчистую. Это навело их на размышления. Поэтому они загрузились продовольствием настолько, насколько смогли, и вернулись к себе думать. Лично я уверен, что они не просто вернуться сюда еще раз, но обязательно попытаются найти способ оставить здесь гарнизон, чтобы выловить нас при случае. Они бы вообще остались здесь сразу же, если бы имели такую возможность.

– Но они же не знают, когда мы вернемся сюда вновь! – заявил Антон. – Может, вообще не вернемся! Зачем им так рисковать?

– Зависит от того, какие условия сложились в их бункере, – капитан на мгновение умолк, прислушиваясь к шипению эфира, но все же продолжил: – Если им грозит голодная смерть, то что они теряют? Ничего. А так у них хотя бы есть шанс захватить нашу технику и на ней добраться до «Подземстрою». Они поставили тут мины не только ради спасения продовольствия, но и наудачу: вдруг мы подорвемся все или почти все. Тогда к моменту их возвращения здесь будет стоять наша техника, недалеко от наших трупов. Не гарантия, конечно, но чем не способ попытаться?

- Почему просто не поговорить? - философски вздохнул Овечкин.

Приходилось признать, что подобный разговор имел бы слишком неопределенные пути развития. Что скажет незнакомцам Брилёв? Учитывая перенаселение? А особенно учитывая узурпацию власти и поистине людоедские преступления своей хунты? А тут еще, если лейтенант прав, в бункер просятся силовики из ФСБ! Не угодить бы за решетку на всю оставшуюся жизнь! А ведь еще, что едва ли не важнее прочего, нужно учитывать, что ФСБ вряд ли чем-то отличается от вояк! Если судить по политической жизни в погибшем гражданском обществе, они даже хуже! У них там мания величия вообще у каждого! Мнят себя сильными мира сего, а остальные для них чуть ли не рабы, чьи гражданские права заключаются в беспрекословном подчинении. Мафия на государственном уровне, любой коза ностре фору даст! Антон ни капли не удивится, если у этих незнакомцев в голове нет иного варианта попасть в «Подземнстрой-1», кроме силового захвата власти. Просто потому, что по-другому они не умеют! Итог наверняка будет плачевен: Брилёв пожелает удержать власть, ФСБ пожелает ее захватить, уступать не в правилах военных - короче, все идет к перспективе кровавой бойни, любимому занятию дуболомов в форме. По сути, эти странные незнакомцы ее уже начали! Хорошо, что Порфирьев оказался специалистом по ловушкам, и все обошлось. А если бы нет? Если бы в том бункере нашелся маньяк покруче? Но цивилизованные люди должны хотя бы попытаться воззвать к разуму себе подобных. Можно же для начала обменяться дипломатическими письмами с изложением своих позиций, не вступая в личный контакт.

- Предлагаю оставить им послание... - начал Антон, но Порфирьев жестом перебил его.

- Тихо! - Амбал вслушивался в эфир. - Что-то не так!

Неровный треск в шипящем помехами эфире нарастал и спустя пару секунд превратился в плохо различимый голос одного из солдат, патрулирующих каньон.

- Роботы! - исполненный страха голос зазвучал сильнее, похоже, патруль бегом приближался к воротам. - Роботы возле баррикады! Двигаются по каньону в нашу сторону!

– Глуши мотор! – рявкнул капитан. – Всем к машине! – Он распахнул люк и выпрыгнул наружу. – Уходим вглубь складов! Двигаться в колонну по одному, прятаться там, где покажу, в остальных местах могут быть мины! Соблюдать радиомолчание! Освещение выключить! Гражданским отключить обогрев скафандров!

Из вездехода Антон вылетел, словно пуля, не чувствуя боли в ушибленной ноге. Спустя несколько секунд все бежали сквозь погрузившиеся во мрак склады следом за Порфирьевым, и позади глухо скрежетали запоры внешних ворот, вручную запираемые запыхавшимися патрульными. Порфирьев завел людей на технический склад и принялся наскоро распределять всех по щелям среди заполненных ящиками и контейнерами стеллажей. Гражданским было велено забиться поглубже чуть ли не между дном и полом, солдат в штурмовых комплектах капитан отправил влезать на самый верх стеллажей и распластаться там. Овечкин сначала заполз под стеллаж, оказываясь под скоплениями каких-то ящиков, но это убежище казалось слишком ненадежным, и он рискнул добраться до секции, в которой прежде хранился ретранслятор. Антон дополз до места обрушения склада и забился прямо в нагромождение рухнувших перекрытий, вывороченных валунов и расплюснутых стеллажей. Только бы не повредить скафандр о торчащие обломки!

Минут пятнадцать, дрожа от страха и подступающего озноба, он неподвижно сидел в неудобной позе, вжавшись в заледеневшую земляную глыбу, подернутую слоем черного снега, потом в чернильном непроглядном мраке кроваво-красными точками зловеще вспыхнули глаза робота. От обуявшего сознание ужаса Антон буквально заledenел, как тогда, во время бурана, стоя у выхода из базы. Скованное животной паникой тело не могло пошевелиться, дыхание прекратилось само собой, казалось, что даже сердце перестало биться, боясь быть услышанным. Позже, когда смертельная угроза миновала, Овечкин понял, что на самом деле робот находился от него довольно далеко, в другом конце склада, но в тот момент казалось, что ужасающая машина рядом и смотрит на тебя в упор, пронзая жаждущим крови взглядом каждую клетку тела...

В следующую секунду где-то в противоположной стороне скрытого во тьме огромного помещения раздался глухой панический крик, спустя секунду коротко сверкнуло нечто, и глаза обожгло вспышкой взрыва. На короткий миг Антон увидел очертания выхода и возвышающуюся рядом с ним мощную полутонную человекообразную фигуру, облаченную в подобие балахона из грубой белой

мешковины. Сквозь толстые стенки гермошлема вяло пробился неожиданно слабый хлопок, и все стихло, вновь погружаясь во мрак. Несколько секунд Овечкин вглядывался в темноту, не решаясь шевелить веками, и ждал, когда растворится засветившее сетчатку глаза пятно света. Потом зрение восстановилось, и первое, что увидел Антон, была кроваво-красная пара глаз, медленнодвигающаяся через кромешную тьму где-то вдалеке. В тот миг он был готов поклясться, что, судя по траектории, робот двигается прямо сквозь ряды стеллажей, пронзая их собою насквозь. Но грохота падающих конструкций не было, и позже, когда все успокоилось, все стеллажи оказались целыми. Стало ясно, что едва не лопнувшие от запредельного перенапряжения нервы выдали Антону искаженную картину, но удивляться этому точно не приходилось. В тот момент всем, кто видел зловещие кроваво-красные точки, казалось, что они плывут сквозь пространство склада напролом.

Сколько времени он просидел неподвижно, Антон не помнил. Опомнился он лишь тогда, когда стал задыхаться от нестерпимого удушья. Оказалось, что он до сих пор боится сделать вдох и не дышит. Овечкин сделал судорожный вдох, опасаясь быть услышанным, и еще полчаса сидел, словно каменная статуя, дыша ртом как можно более бесшумно. Потом прямо перед ним из темноты материализовалось невидимое нечто и схватило за руку. Антон заорал, едва не умерев от ужаса, и бросился бежать, не разбирая дороги, но нечто держало его слишком крепко и не позволило ему скрыться.

– Не ори! Услышат еще! – рычание Порфирьева глухо донеслось через гермошлем. – Я не знаю, как далеко они ушли!

– Я думал, что это они! – Овечкин понял, что за руку его держит Порфирьев, и лихорадочно дышал, пытаясь успокоить ходящие ходуном сердце и легкие.

– Выключи рацию! – перебил его капитан. – Если отсканируют – вернутся! У нас пятнадцать минут до интоксикации! Надо разворачивать базу!

Порфирьев собрал всех довольно быстро, видимо, запомнил, кого куда уложил, и сразу же вывел людей в ангар. На выходе из технического склада глазам спасшихся предстала удручающая картина: возле сильно замятых и обожженных массивных дверей, ведущих в противоположный склад, в луже крови лежало сильно поврежденное тело бывшего спортсмена-армянина. Чуть дальше, в паре метров, обнаружили его оторванные рука и нога.

– Они... – Антон судорожно сглотнул, – убили его?

– Робот подошел к нему слишком близко, – угрюмо ответил Порфирьев. – Нервы у него не выдержали, и он попытался убежать из склада. На выходе столкнулся с еще одним. Закричал, ударил его какой-то железкой и рванул в склад напротив, наверное, надеялся спрятаться. Двери были заминированы, но в темноте он не увидел предупредительную вешку.

Выходить в ангар было не просто страшно, а до жути ужасно, но быстро выяснилось, что роботов на складах уже нет. Лишь запоры на закрытых входных воротах оказались выломанными с корнем, и возле них обрывались цепочки следов полуметровых, вряд ли человеческих ступней. Лейтенант совсем неуверенным тоном заявил, что если роботы ушли, то сразу сюда не вернуться. Будут бродить по окрестностям, проверяя это место время от времени. Сколько это конкретно – «время от времени», никто точно не знал, но выбора не было, и Порфирьев приказал разворачивать базу. До интоксикации оставалось девять минут, и все бросились устанавливать спецпалатку, надеясь на то, что в случае возвращения роботов удастся обмануть их, прикинувшись мертвыми, как это произошло там, на поверхности. О том, что внутри складов нет ни снегопада, ни пылевой взвеси, затрудняющих роботам работу систем обнаружения, лучше было не думать. Пока закончили разворачивать базу, интоксикацией скрутило последнего уцелевшего гражданского активиста из метро «Смоленская». Корчащегося в мучительных судорогах Дно втащили в полуразвернутую спецпалатку и уложили в только что собранный угол. Остальные успели закончить развертывание базы за какие-то секунды до начала повальных судорог, и фильтровентиляционную установку с печкой Овечкин с Порфирьевым запускали уже вдвоем. Потом интоксикация вгрызлась в Антона со всей своей жестокостью, привыкнуть к которой он так и не смог, и окружающий мир превратился в наполненный жуткой болью ад.

– Очнулся? – Мутное облако перед глазами трансформировалось в расплывающийся силуэт Порфирьева, и Антон ощутил, как на воспаленный лоб вместе с влажной тряпицей нисходит блаженная прохлада. – Пей! – Амбал сунул ему в руку флягу. – Потом в санузел и поможешь возиться с остальными!

После связавшего ротовую полость рвотного привкуса вода из бутылей Росрезерва казалась изумительно вкусной, и Антон с жадностью принялся пить, вливая в себя воду огромными глотками. В этот момент до него запоздало дошло, почему вода кажется такой вкусной, и Овечкин едва не подавился

очередным глотком.

– Ты не добавлял в воду препараты для обеззараживания? – Антон в ужасе смотрел на опустевшую флягу, полминуты назад бывшую наполненной под крышку. – Это радиоактивная вода?

– Повезло найти контейнер с минимальным фоном, – склонившийся над содрогающимся в судорогах лейтенантом Порфирьев бросил на Овечкина мимолетный взгляд. – Если тебя не устраивает – не пей. Я сам выпью. Времени вчера не было, я успел схватить только один баллон. Там всего три литра осталось, остальные баллоны фонят, их придется обеззараживать, так что на вкус вода будет полное дерьмо, как обычно. Можешь пить ее.

– Меня устраивает, – немедленно согласился Антон. – Просто я не знал, что она не опасна. Олег... это... можно мне еще воды? А то трясет от жажды, словно не пил вовсе...

– Побочный эффект адаптации, – капитан болезненно скривился. – Очухиваешься раньше всех, но пить хочется ужасно... – Он кивнул на стоящий возле фильтровентиляционной установки початый баллон с питьевой водой, заботливо завернутый в обрывок старого скафандра МЧС: – Вон вода. И мне налей, там рядом пустая фляга лежит. Не успеваю ходить туда-сюда.

– У тебя же спецназовское снаряжение, там есть встроенная фляга, – вспомнил Антон. – Ты как-то упоминал, что она объемная. Почему ты не используешь ее? Чтобы не бегать к бутылке каждый раз.

– Если ее наполнить, то весь баллон туда и уйдет. – Порфирьев закончил стирать с лица лейтенанта остатки рвотных масс, уложил ему на лоб мокрую тряпицу и перешел к следующему солдату. – Тогда нормальной воды больше никому не достанется, только горькая. А так хоть кому-то не придется давиться химией. – Он увидел, как Овечкин тщетно ищет свой гермошлем и кивнул ему за спину: – Сзади, в углу. За ящиком.

– Спасибо, – вяло поблагодарил Антон, нашаривая укатившийся во время судорог гермошлем.

Перед началом интоксикации шлемы нужно снимать, чтобы не захлебнуться и не вымазаться рвотными массами. Но потом, когда судороги прекратятся, его лучше надеть. Радиационная безопасность внутри базы относительная, фон все равно высокий, гарантированно уберечься можно только в скафандре, поэтому чем меньше времени проведешь без гермошлема, тем дольше проживешь в итоге. Овечкин нацепил на голову шлем и побрел к баллону с водой. Пока он наполнял пустые фляги, воздух внутри гермошлема немного очистился, и стоило открыть лицевой щиток, чтобы попить, в нос снова ударила кислая вонь рвотных масс. Судя по свежим мокрым пятнам, усеивающим спецпалатку, Порфирьев отмыл рвотную грязь совсем недавно. Наверное, это правильно – в первую очередь начать с вычищения источающей зловоние грязи. Меньше пачкаться и легче дышать, это должно способствовать нормализации состояния страдающих людей. Антон приник к фляге и вновь принялся жадно пить. Противостоять невыносимой жажде он оказался не в силах и опять опустошил флягу целиком. В этом нет ничего предосудительного, он – Инженер, уникальный специалист, имеет право! Здесь все понимают, что его необходимо беречь, так что лишние пол-литра качественной воды он заслужил! Все равно ее мало и хватит только тем, кто очнется первыми. Но пить дальше лучше не рисковать, не то наш нацик-мизантроп узрит в этом очередное преступление гражданского перед военными, поэтому сначала Антон сделает, как было велено, а позже утолит жажду еще раз.

– Олег, – Овечкин добрел до Порфирьева и протянул ему вторую флягу: – Вот вода!

Капитан кивнул, отстранился от подергивающегося в лихорадке солдата, которому только что надел на голову шлем, забрал флягу и принялся отвинчивать крышку.

– Он не захлебнется в шлеме рвотой? – Антон посмотрел на едва подрагивающую голову солдата. Фильтры только что надетого шлема не успели очистить воздух, и слабое дыхание бойца оставляло легкую испарину на внутренней поверхности лицевого щитка.

– Нет, – амбал приложился к фляге и не отрывался от нее секунд десять. – Интоксикация у него уже закончилась. – Капитан перевел дух. – Он только что заснул. Первый час сон всегда тяжелый, потом дыхание выравнивается. – Порфирьев вновь приложился к фляге.

– Только что заснул? – Антон ощутил, что не чувствует характерного дискомфорта в области шеи: – То есть ты не ставил нам укрепляющие капельницы?

– Их всего на два раза осталось, – ответил амбал. – Мы сейчас не на поверхности, здесь условия не такие опасные, как там. Лучше побережь. Кто знает, как все дальше сложится. Как из сортира вернешься, начинай воду обеззараживать. Химия на ящике с продовольствием разложена. Баллоны с водой возле печки. По пять таблеток на баллон. Через две минуты баллон тщательно протрясти и оставить еще на три. Потом разливай по флягам. Наполняй все, которые есть.

– О'кей, – Овечкин поковылял к ширме санузла, косясь на в третий раз прикладывающегося к фляге Порфирьева. Как он так долго пьет? Фляги же стандартные, и Антон осушил свою за один присест! А он третий раз пьет, и каждый раз подолгу. Кто-то из военных, кажется лейтенант, уже как-то спрашивал Порфирьева об этом. Амбал ответил, мол, при сильной жажде надо пить медленно и маленькими глотками. Чтобы психика успела ощутить, что страдающий от дегидратации организм получает влагу. Для этого во время питья необходимо максимально пропускать воду через язык и обильно смачивать слизистые рта, а не просто судорожно глотать. Именно через слизистые вода всасывается в организм в первые секунды, и нервная система это ощущает. Усвоение воды из желудка происходит значительно позже.

Конечно, Антон не физиолог, может, в теории все действительно так. Но сдается ему, что на практике все гораздо проще. Просто у Порфирьева интоксикация заканчивается за два часа. А у остальных – за шесть. Даже у самого Антона, развившего лучшую из всех адаптацию к антираду, интоксикация длится три с половиной часа. Короче, Порфирьев через два часа уже на ногах, и никто в это время его не контролирует. Он просто пьет, сколько хочет, вот и весь секрет. А к тому моменту, когда все оклемались, жажда его уже не мучит, и можно сколько угодно пить медленно и маленькими глотками, публике напоказ! Потому что когда тебя мучит истинная жажда, тебе не до изысков и супергеройских кривляний! Будешь хватать ртом воду так, что вернувшийся из каравана верблюды позавидует! И не надо тут рассказывать армейские байки про силу воли и прочее суперменство.

Вернувшись из туалета, Овечкин принялся за исполнение полученного от амбала приказа, попутно наполнив себе флягу качественной водой. Возящийся с людьми Порфирьев вроде не заметил этого или заметил, но против не был. Это вселило

в Антона некий заряд оптимизма. Все-таки иметь адаптацию – это не всегда плохо. Да, тебя будут пытаться посылать в смертельно опасные экспедиции, но ведь его и без всякой адаптации в них посылали. Зато мучения не длятся долго, и лучшая вода в твоём распоряжении. Конечно, приходится быть на побегушках у Порфирьева, но это временно и тоже имеет свой плюс: в случае чего никто не сможет отрицать, что Антон заботился об остальных, пока они бились в судорогах или лежали в лихорадке. Но программа-минимум все равно не меняется: он должен найти способ навсегда покинуть этот чертов Экспедиционный Корпус! Особенно сейчас, когда выяснилось, что вражеские роботы не собираются разваливаться от износа или опустошения аккумуляторов! Мысль о зловещих роботах выбила Овечкина из колеи, и он невольно замер, прислушиваясь.

– В чем дело? – Порфирьев мгновенно уловил его переход в тревожное состояние и тоже замер.

– Опасаюсь роботов, – признался Антон. – Хотел послушать, что там, снаружи.

– Бесполезно, – капитан заметно расслабился. – Их не услышать. Я думал, наши жадные незнакомцы возвращаются.

– Не услышать? Почему? – удивился Овечкин. – Роботы массивные, по моим подсчетам, каждый должен весить не меньше пятисот килограмм. Даже если они выполнены не из металла, а из сверхпрочных композитных пластмасс, такая масса должна издавать звук при ходьбе! Даже если они оснащены резиновыми подошвами!

– Я тоже так думал, – согласился Порфирьев. – Но они передвигаются абсолютно бесшумно. Я, когда в самый первый раз с роботом столкнулся, вообще никак не засек его появления. Ни шума моторов, ни звука шагов, ни скрипа снега, ни шуршания материалов, которыми он укутан... Ничего. Он просто появился передо мной в ночной пылище из ниоткуда. Я тогда подумал, что просто не услышал ничего этого из-за высокой ионизации атмосферы. Вообще шлем фотохромного комбинезона снабжен системой динамического усиления-уменьшения звуков. Когда вокруг тихо, чувствительность микрофонов растет, если идет обстрел или бомбардировка – уменьшается. Но пока мы на техскладе прятались, роботы мимо меня дважды проходили. Один раз метрах в пяти, второй – почти вплотную. Мне даже показалось, что он заметил меня издалека и специально идет прямо ко мне. Он прошел мимо, не останавливаясь, значит, не

заметил... Хотя в тот миг я был уверен, что он не просто меня видит, а тщательно разглядывает. Видать, нервишки шалют... Нам повезло, что они так плохо видят. Хотя это очень странно для боевых механизмов.

– Думаю, их системы обнаружения испортились в условиях агрессивной внешней среды, – предположил Антон. – Ты прав, современная техника не может видеть так плохо, возможности электроники намного превосходят способности людей. Но если радиация повредила им оборудование, то они вполне могут видеть недостаточно хорошо. Или испытывать проблемы с идентификацией обнаруженных объектов.

– Или мы от страха просто очень хорошо спрятались, – подытожил амбал, и его взгляд на мгновение стал задумчивым. – Все равно странно. Если у них все испортилось, как они нас находят и почему до сих пор не заблудились на хрен в этом аду... Ладно, не до этого сейчас! Ты воду разлил?

– Еще две фляги – и водой будет обеспечен каждый! – сообщил Овечкин. – Олег, можно мне поспать? Тело словно ватное, едва шевелюсь!

– Закончишь с водой – ложись, – разрешил капитан.

Заполнив последнюю емкость, Антон сложил все фляги на ящике с продуктами, и одну из них на всякий случай положил рядом с Порфирьевым. Пусть будет у него под рукой, когда придет время поить кого-нибудь или смачивать тряпки. Так у амбала будет меньше поводов гнобить Овечкина. Антон улегся на свое место и тщательно убедился в том, что гермошлем надежно загерметизирован и не откроется во время сна. Ослабленный интоксикацией организм едва шевелился от изнеможения, и только Овечкин закрыл глаза, как тут же провалился в вязкий, словно засасывающее болото, сон.

Он проспал почти десять часов, и все это время ему снились зловещие роботы-убийцы. Громадных машин не было видно в пропитанной радиоактивной пылью ночи, но кроваво-красное свечение систем лазерного наведения выдавало их местоположение, а приближающийся лязг металла свидетельствовал о том, что механические убийцы знают, где прячется Овечкин, и стремятся убить его самым изуверским способом. Антон бежал прочь через пронизанную смертельной радиацией бесконечную свалку мусора, заваленную метровым слоем черного снега, спотыкался и падал, вставал, снова бежал по пояс в

ледяной грязи, снова спотыкался и падал... В голове отчаянно билась единственная мысль: нужно успеть добежать до базы прежде, чем начнется интоксикация, потому что цикл антирада на исходе. Главное, вбежать в спецпалатку, там они его не найдут, потому что они пришли сюда за Порфирьевым, и пока они будут ходить мимо амбала, Антон сможет спрятаться.

Проснувшись, он обнаружил себя единственным бодрствующим. Порфирьев спал на своей лежанке, и его фотохромный комбинезон практически полностью сливался с грязной прорезиненной поверхностью, свидетельствуя о неподвижности владельца. Интоксикации уже ни у кого не было, все спали спокойно и в загерметизированных шлемах, судя по внешним датчикам снаряжения, погибших не было. В спецпалатке царила полнейшая тишина, и Антон напомнил себе, что как единственный Инженер имеет право утолить жажду качественной водой. Он добрался до ящика с продовольствием, но сложенных им фляг там не оказалось. Вместо этого все они валялись на полу, кое-как собранные в кучу и, естественно, пустые. Баллон с качественной водой конечно же был давно опорожнен, Овечкин даже не смог узнать его в куче других таких же опустошенных емкостей. Давиться химией не было ни малейшего желания, и Антон похвалил себя за предусмотрительность, снимая с пояса загодя припасенную флягу, заранее наполненную еще перед сном.

Пару часов пришлось пролежать на лежанке, чтобы не провоцировать усиливающийся голод. Ящик с продовольствием не заперт, но в одиночестве лучше не есть. Вояки реагируют на это, словно на преступление перед человечеством, один раз Антон уже вычищал за всеми биотуалет в наказание за это. Он устало скривился. Ну что за тупость! Что такого-то?! Человек страдал от голода и не стал ждать, когда проснутся остальные. В чем проблема?! Хорошо еще, что никто не набросился на него с кровавой расправой. Хотя зыркали так, что он всерьез опасался за свою безопасность. Поэтому проще потерпеть. Спасибо и на том, что на обед по базе строем не ходят и его не заставляют. Овечкин закрыл глаза, но сон не шел, ощущение голода нарастало, и время тянулось бесконечно медленно.

Наконец, люди стали просыпаться, и началась утренняя суeta, если можно считать утром пять часов вечера шестьдесят пятых суток после сожравшей мир ядерной катастрофы. Порфирьев сразу же приказал устроить обед, чтобы в полночь, когда до начала следующего цикла антирада останется полчаса, успеть покормить людей еще раз. Антон по сложившемуся негласному обычаю получил свою порцию первым и после еды почувствовал себя значительно

лучше. Сославшись на необходимость заниматься логистикой предстоящей погрузки, он засел за расчеты, но сам не заметил, как расслабившийся после приема пищи организм вновь погрузился в сон.

– Вставай, логист! – Здоровая ручища Порфирьева бесцеремонно трясла Антона за плечо, заставляя голову беспорядочно дергаться и биться гермошлемом о лежанку. – Два часа осталось! Просыпайся и думай, как грузить будем! Мы должны закончить погрузку до окончания цикла антирада, иначе зависнем здесь еще на сутки! Мало ли кто наведается сюда за это время!

В памяти всплыли события минувших суток, и спать мгновенно расхотелось. Он принялся ломать голову над тем, как бы так загнать на бетонный пол ангара аэросани с прицепом, чтобы они потом смогли на своих полозьях выйти обратно полностью груженными. Народ принялся помогать ему советами, в основном совершенно прожектерскими, и Антон авторитетно громил в пух и прах их нелепые варианты. В итоге сошлись на том, с чего начали, – под полозья нужно постелить что-то более-менее скользкое. Но авторитет Овечкина, как грамотного специалиста, несколько возрос. Как только отведенные на восстановление организма сутки истекли, все приняли антирад, и началась изнурительная возня.

Базу сворачивать не стали, потому что никто не знал, удастся закончить погрузку вовремя или нет. Овечкин с лейтенантом и солдатами сразу направились на склады искать скользкий материал, Порфирьев с техником и пожарным выдвинулись на улицу, осматривать транспорт. Маломощные рации скафандров на таком удалении, да еще из-под земли, не цепляли совершенно, и все чувствовали себя очень неуверенно и совсем небезопасно. Может, агрессивные незнакомцы и не вернуться сюда так быстро, а вот что взбредет в электронные мозги роботам – неизвестно. Жить хотелось каждому, и все вкалывали как проклятые.

Транспорт оказался в порядке, роботы по своему обыкновению его не тронули, просто обойдя стороной. А вот со скользкими материалами возникла проблема. Ничего такого в открытом доступе не нашлось, а если сдирать скользкий упаковочный материал с хранящихся грузов, то это нарушит их герметичность и займет непонятно сколько времени. Лейтенант предложил распахнуть входные ворота и натаскать снега внутрь ангара, тем самым выложив саням путь, но в две лопаты это тоже займет несколько часов, а время дорого. На вопрос Порфирьева, почему он не обдумал такие элементарные вещи заранее, еще

в Центре, Овечкин ответил, что был уверен, что этим занимаются мегаумники Миронова. Недовольный амбал велел ему впредь не перекладывать на чужие плечи то, с чем наверняка придется столкнуться самому, вручил лопату и заставил таскать снег с улицы внутрь ангара, делать это долбаное снежное покрытие. В помощь ему отрядили беднягу Дно, остальные принялись таскать ящики с продовольствием вручную.

Прицеп от аэросаней вытянули из каньона, развернули задом к складам и вездеходом дотолкали вплотную к распахнутым входным воротам. Солдаты в экзоскелетах, используя усилители конечностей, носили ящики из ближайшего продовольственного хранилища, загружали в прицеп и возвращались обратно. Вшестером такая погрузка шла долго, и к середине цикла антирада прицеп был загружен чуть более чем наполовину. К тому моменту Антон пришел к выводу, что устройство снежной насыпи на полу ангара ничего не даст, потому что снег сильно перемешан с золой, грязью и земляным крошевом. Получившаяся смесь имеет слишком высокий коэффициент трения, и для требуемого результата придется насыпать слишком толстый слой. И все, к чему это приведет, – мы сможем загнать транспорт внутрь, то есть на десяток метров вглубь ангара, и закрыть ворота. Радиации меньше не станет, потому что она попадает в ангар со снегом. Разве что не придется грузить под снегопадом, но это сомнительное преимущество, потому что все равно этих снегопадов будет предостаточно, пока будем добираться до Центра. Тогда уж проще вообще не запирают входные ворота, и ураганы сами затащат сюда столько снега, что сани смогут заходить внутрь складов гораздо глубже, чем в результате потуг Инженера с лопатой, чью квалификацию можно было использовать с большей пользой.

– С большей пользой? – Порфирьев смерил Овечкина недобрый взглядом. – Хорошо, ты меня убедил. Учту. Когда вернемся, будешь делать телегу или погрузчик, а лучше три, по одному на каждую пару грузчиков в экзоскелетах. И чтобы места в машинах много не занимали при полной загрузке, их здесь нельзя оставлять, не то наши жадные незнакомцы переломают нам назло.

– Я сделаю это! – заверил его Антон, откладывая ставшую ненавистной лопату.

– Отлично! – Амбал скопировал его интонацию. – А теперь бери лопату и выноси снег обратно.

– Что? – Антон опешил. – Выносить все обратно?! Зачем?!

– Ты же сам сказал, что лишняя радиация нам тут ни к чему. – Порфирьев внимательно буравил его взглядом. – Я прислушался к профессиональным рекомендациям Инженера. Все, что вы тут насыпали, вынести обратно!

– Олег, это несправедливо! – Овечкин попытался воззвать к разуму военного. – Я понимаю, что, как Инженер, отвечаю за техническую сторону экспедиции, но никто не знал, что здесь так сильно вырастет радиоактивный фон! Я думал, что у нас будут сутки на погрузку! Этого времени хватило бы, чтобы загрузить сорок тонн, используя усилители конечностей, я же показывал тебе расчеты! И мы взяли с собой достаточно батарей для экзокорсетов! Почему нельзя оставить этот снег здесь просто так?!

– Потому что его в любом случае пришлось бы убирать за собой, – устало вздохнул капитан. – Если ты не хочешь в следующий раз обнаружить его, нашпигованным минами.

– А что мешает им нашпиговать его там, за воротами?!

– Ураганы, холод и необходимость самим въезжать сюда и выезжать обратно, – терпеливо объяснил Порфирьев. – Там гораздо холоднее, чем здесь. Если ты обратил внимание, днем уже минус сорок, и с каждой неделей морозец зашкаливает все сильнее. Как поведут себя взрыватели и электроника на холодах, которые очень скоро будут выше расчетных, не знает никто. На таком морозе снимать даже свои собственные мины, тем более ловушки, совсем не хочется. А под ураганом и вовсе чревато. Поэтому минировать снаружи они не стали. Знали, что самим придется сюда возвращаться. Зато внутри условия вполне заманчивые. Урагана нет, холод поменьше, и освещение можно расставить как хочешь. Я даю тебе гарантию, что, если тут останется хотя бы пятисантиметровый слой этой грязной дряни, которую мы по привычке называем снегом, они напихают под него столько мин, сколько у них вообще есть. И в следующий раз попасть внутрь без потерь нам будет очень непросто. Учитывая, что миноискателей у нас нет, а если будут, то кустарные, освещения толком тоже нет плюс наша склонность добираться досюда в самый крайний момент, когда до начала интоксикации остаются минуты, – выводы делай сам.

В общем, пришлось подчиниться диктату силы, и еще два часа Антон и Дно выносили снег обратно, обмениваясь красноречивыми взглядами. Какой урон организму был нанесен радиацией за это время, можно было только гадать, чтошний раз доказывало незыблемость аксиомы: Экспедиционный Корпус не

место для интеллектуалов, таких как Овечкин. Но и после того, как радиоактивная черная грязь переместилась за ворота, Порфирьев не оставил его в покое. Пришлось то помогать грузчикам, вскрывая крупногабаритные контейнеры с продовольствием, чтобы солдаты не теряли на это время, то мастерить из подручных средств лебедку, чтобы снимать с верхних уровней складских стеллажей малогабаритные грузы, то таскать со складов внутрь базы заледеневшие баллоны с той самой водой, каким-то чудом не подвергнувшейся воздействию радиации.

О том, что Антон вообще-то Инженер, Порфирьев вспомнил за час до интоксикации, когда стало окончательно ясно, что к ее началу не удастся не то что загрузиться полностью, но даже не хватит времени закончить погрузку одних только аэросаней.

– Ступай на технический склад, – капитан жестом велел Овечкину слезать с верхнего яруса стеллажей, на котором он помогал пожарному возиться с лебедкой, и терпеливо дождался, пока Антон осторожно спустится вниз по не внушающей доверия лестнице. – Походи там, посмотри. Может, найдешь что-нибудь, что подойдет в качестве перекрытий для строительства крыши ангара.

– Разве нельзя было спросить у Брилёва? У него же есть полный перечень находящихся здесь материальных средств... – начал было Антон, но тут же осекся. Лучше ходить по складу, чем крутить тяжелую лебедку, от которой у него уже суставы выламывает! – В смысле, Брилёв далеко, а мы здесь! Я готов!

– Брилёв послал нас за продовольствием. – Порфирьев, к счастью, не стал на него кидаться за попытку возразить и не стал отправлять его обратно на тяжелые работы. – Сейчас для него это главное. Наверное, сейчас это главное для всех, но конкретно нам от этого не легче. За одну ходку мы не вывезем отсюда всего. Придется ездить сюда многократно. И ездить будем мы. Чем больше поездок – тем больше шансов в один прекрасный раз не вернуться. Или сломаемся на полпути, или с жадными незнакомцами схлестнемся. А их больше раз в пять. Если мы хотим уцелеть, нам нужно больше бойцов, да и грузчики бы не помешали. Чтобы их перевезти, требуется больше транспорта. Транспорт без ангара не подготовить. Ангар без крыши бесполезен.

– Я услышал! – немедленно отреагировал Антон. – Немедленно этим займусь!

Он постарался покинуть продовольственный склад как можно быстрее, пока Порфирьеву не взбрело в голову озадачить его чем-нибудь более утомительным. Осматривать погруженный во мрак, наполовину засыпанный обрушением технический склад приходилось в кромешной тьме, и света от нашлемного фонаря не хватало для возникновения ощущения полной безопасности. Громадные трещины, перечеркнувшие потолок, и дальняя часть склада, раздавленная обрушением, красноречиво говорили сами за себя. Ходить здесь было опасно, кто знает, не рухнет ли через секунду оставшийся потолок прямо тебе на голову... А тут еще многострадальная психика воспроизводит в памяти картины нашествия роботов – горящие во мраке кроваво-красные лазерные глаза их систем наведения... Несколько раз Антону чудились за спиной мощные трехметровые человекообразные тела, и он в ужасе забивался в какие-то щели между ящиками и контейнерами. Но всякий раз оказывалось, что все это плод воспаленного воображения и никакой опасности нет. В конце концов Овечкину удалось взять себя в руки, и дальнейший осмотр прошел относительно спокойно.

К спецпалатке Антон вернулся за пять минут до окончания общего цикла антирада. Вся экспедиция была уже внутри, лишь пара солдат в экзоскелетах под руководством Порфирьева закрывала въездные ворота. Выломанные роботами дверные запоры восстановлению не подлежали, и створы ворот просто сомкнули до упора, подперев их бетонными обломками. Уверенности в собственной безопасности это, естественно, не добавляло.

– Олег, ты уверен, что агрессивные незнакомцы не успеют вернуться сюда, пока мы будем дожидаться следующего цикла антирада? – Овечкин не сомневался, что своим вопросом выразил мысль каждого.

– Уверен. – Порфирьев убедился, что весь личный состав находится в спецпалатке и принялся закрывать входной полог. – Можешь ложиться и спокойно корчиться от боли.

– Почему ты уверен? – не отставал Антон. – Ты знаешь, где находится их бункер? Ты сделал расчет пути?

– Я не знаю, где их бункер. – Амбал устало улегся на свою лежанку, видимо, хотел отдохнуть пару минут прежде, чем ему придется возиться со скрученными интоксикацией людьми. – Но посчитать несложно. Мы разминулись с ними часа на два-три. Они вышли, мы зашли. Стало быть, их цикл антирада начинается позже нашего где-то на это время, соответственно, на эти же два-три часа

позже нашего он и заканчивается. Раз они наставили здесь столько мин, то наверняка с самого начала не рассчитывали добраться до дома за один цикл антирада, я уже говорил.

– А если ты ошибаешься и они появятся здесь через эти самые три часа, когда мы будем при смерти из-за интоксикации? – Не то чтобы Антон не верил в расчеты амбала, но изо всех сил борющееся за выживание сознание требовало дополнительных гарантий безопасности.

– Все может быть, – флегматично ответил капитан. – Но, думаю, не в этот раз. Нет смысла минировать склады, если ты точно знаешь, что успеешь вернуться сюда во время следующего же цикла антирада. Кто бы сюда ни пришел после тебя, он проведет тут цикл и будет вынужден отсиживаться внутри базы. Тем более что мы так всегда делаем, и они видели наши старые следы. Пока конкуренты выжидают сутки, ты возвращаешься и берешь их голыми руками прямо в палатке. Вот тебе и новый транспорт, и еще одна база, и минус отряд противника, и все это запросто, и без всяких мин. Минировали они именно потому, что точно знали, что через сутки сюда не вернуться никак, и боялись, что к моменту возвращения здесь может оказаться слишком мало продовольствия или не оказаться вообще.

– И как это нам поможет? – Овечкин торопливо посчитал в уме длительность двух циклов антирада плюс сутки неизбежного восстановления между ними. – Допустим, они попадают к себе за два цикла! Если это так, то сейчас они у себя дома, получают медицинскую помощь! Завтра они выдвинутся сюда и на втором цикле будут здесь! Мы за завтрашний день загрузиться не успеем, значит, придется оставаться тут еще на сутки, и во время второго цикла они могут на нас напасть!

– Вряд ли у них есть биорегенераторы на такую толпу, – с безразличием произнес Порфирьев, не поворачивая головы, – видимо, лежал с закрытыми глазами. – Скорее всего, сейчас они корчатся в судорогах, как предстоит нам через несколько минут. Если они решили оказать всем медпомощь, то нам это только на пользу. Потому что для лечения им нужно примерно пятьдесят человеко-часов, и их возвращение сюда отложится. Но даже если у них все настолько плохо, что они без всякого лечения разгрузятся и рванут обратно, как только истекнут минимальные сутки между циклами, то идти им минимум два перехода. Их цикл начинается позже нашего, поэтому, если будем действовать быстро, успеем догрузиться в начале второго цикла и уйти раньше, чем они

вернутся. Если повезет, и они все-таки займутся оказанием себе медицинской помощи, то вообще не доберутся досюда на втором цикле.

– Может, разумнее уехать отсюда завтра? – Овечкин окинул тревожным взглядом остальных, ища поддержки. – Зачем рисковать?

– Мы даже аэросани целиком не загрузили. – Порфирьев бросил взгляд куда-то внутрь своего шлема, видимо, смотрел на хронометр лицевого щитка, и поморщился: – Была бы еще хотя бы пара часов... Или пара грузчиков... а еще лучше – и то, и другое, и пара телег на автоматическом ходу.

– Давайте привезем Брилёву то, что успели загрузить! – Антон почувствовал, как при мысли о возможном столкновении с полусотней кровожадных убийц в глубине души начинает расти паника. – Если нас убьют, Центр вообще ничего не получит! Лучше привезти хоть что-нибудь!

– Не факт, что эти жадные товарищи явятся сюда обязательно на втором цикле, – без особых эмоций произнес капитан. – А мы точно останемся виноватыми в том, что Центр не получил продовольствие в том объеме, на который рассчитывал. Вот это однозначно факт. И нас все равно сюда пошлют. И все равно в таком же составе, потому что на большее не хватает транспорта. Везти сюда бойцов на аэросанях, чтобы устроить тут постоянный гарнизон, Брилёв не станет. У него нет столько людей, чтобы одновременно держать в руках и Центр, и Росрезерв. Да и кто захочет здесь оставаться? Желающих не будет. Так не проще ли загрузиться целиком сейчас? Так хоть в следующую экспедицию поедem не сразу. Хотя бы телеги успеем собрать. Было бы только из чего.

– Но нас ведь все равно сюда пошлют! – Овечкин пытался не сдаваться. – Так какая разница?!

– Разница в том, что мы не знаем, успеет вероятный противник вернуться сюда за два цикла или нет. – Судя по тону, Порфирьеву было плевать и на вполне логичные доводы Антона, и на жизни людей, и даже на свою собственную. – Зато, когда нас отправят сюда как можно скорее в следующий раз, шансы встретить противника прямо здесь будут гораздо выше. Так не лучше ли рискнуть сейчас, чтобы лучше подготовиться потом?

– Но что изменится за это время?! – Антон едва не сорвался на крик. – Ты же сам сказал, что Брилёв не станет посылать сюда солдат!

– Не станет размещать здесь гарнизон, – флегматично поправил его амбал. – Может, и солдат тоже не даст. Но грузчиков в достаточном количестве найти можно. Было бы, на чем их сюда везти. Ты нашел, из чего сделать крышу?

– Здесь нет стройматериалов! – Овечкин почувствовал, что имеет все шансы остаться виноватым в этом. Просто потому, что военные всегда сделают крайним гражданского. – Я все обыскал! Видел два биорегенератора, роботизированный токарно-фрезерный комплекс в разобранном состоянии, бытовое оборудование, различные запчасти, но стройматериалов тут нет! Может, они погибли в разрушенной части складов, а может, их вообще в Росрезерв не завозят, я не знаю! Но тут их нет! Я в этом не виноват!

– Стеллажи могут подойти? – Порфирьев никак не отреагировал на его крик души.

– Какие стеллажи?! – Антон посмотрел на него как на идиота, но в следующую секунду замер, озаренный догадкой: – Стеллажи складского комплекса! На которых тут все хранится! Это не потолочные балки, они не предусмотрены для такого, но если сварить их в более толстый пучок и технически грамотно соединить между собой конструктивно... Это может сработать! А в качестве кровли мы можем использовать стенки контейнеров и ящиков, их можно разрезать на листы! Подойдет все, включая пластик, если правильно предусмотреть ребра жесткости. Что-то можно использовать в два слоя, здесь же полно поддонов и складских контейнеров! Мне нужно сделать расчет!

Гражданский активист с унижительным позывным «Дно» дернулся и упал, хрипя от охватившей его боли. Кто-то из солдат, находившийся к бедняге ближе всех, помог ему распахнуть лицевой щиток гермошлема, и активист забился в судорожной рвоте. Всем стало не до разговоров, и Порфирьев лишь коротко махнул Овечкину рукой, мол, вот и сделай свой расчет, раз нужно. Антон заторопился в санузел, чтобы успеть до начала интоксикации, но оказался последним в очереди. Все, у кого судороги начинались раньше, бесцеремонно влезали в очередь вперед него, и с этим приходилось мириться, потому что все решили, что так будет справедливо. Логика подсказывала, что справедливо как раз будет использовать очередь, потому что она как бы для этого и была изобретена. Но спорить с кучей военных одному гражданскому бесполезно.

Антон понял это уже давно. Они что хочешь признают справедливым, даже самую одиозную нелепость, лишь бы не сделать так, как предлагает гражданский. Что поделаться – так уж устроена зависть. Глупые завидуют умным. Это объяснимо, ведь были бы умными – стали бы инженерами или другими востребованными гражданскими специалистами. Но для этого нужны мозги. А куда деваться, если их нет? Вывод напрашивается сам собой: туда, где особо напрягать голову не придется, потому что за тебя все решает какой-нибудь генерал или полковник. Ну или капитан, если генералы с полковниками поубивали друг друга в грызне за власть, и их теперь остро не хватает.

Терпеливо отстояв очередь, Овечкин посетил санузел самым последним, вернулся в свой угол и молча лег на замызганную лежанку. Взгляд невольно уперся в дисплей хронометра на внутренней поверхности лицевого щитка гермошлема, и Антон в который раз подумал, что оставшиеся до начала мучений секунды истекают с ужасной скоростью. Лучше бы с такой скоростью истекало время страданий. Но нет, как раз оно ползет бесконечно долго, словно его течением управляет какой-нибудь изощренный садист-мизантроп в погонах, вроде Порфирьева или Брилёва.

На этот раз интоксикация протекала так же жестоко, как обычно, но закончилась через три с половиной часа, и Антон даже успел ощутить, как страдания переходят в горячий полубредовый сон. Во сне он лазал по стеллажам почему-то с портновским сантиметром в руках и пытался измерять все, что попадалось на глаза: контейнеры, ящики, поддоны, стальные стойки самих стеллажей и что-то еще, уже непонятно что. При этом где-то рядом постоянно маячил здоровенный расплывчатый силуэт Порфирьева, пристально наблюдавший за его работой, и стоило только Антону опустить руки, чтобы перевести дух, как злобная физиономия амбала становилась агрессивной, и его глаза вспыхивали кроваво-красным огнем, словно системы наведения вражеских роботов.

Проснулся Овечкин с тяжелой головной болью, но полтора литра качественной воды, лишенной привкуса химии, вернули его в колею. Возящийся с мучающимися солдатами Порфирьев вновь никак не отреагировал на то, что Антон позволяет себе пить дефицитную воду больше, чем достанется другим, и это окончательно убедило Овечкина в том, что капитан поступает так же. Да и плевать, лишь бы не рычал на него лично. Антон терпеливо потратил полчаса на помощь Порфирьеву, потом усталость взяла верх, и он отпросился спать.

Когда пришло время принимать антирад, хронометр показывал ровно восемь утра шестьдесят седьмых суток после катастрофы, и Антон поймал себя на мысли, что не может сразу и без ошибки сказать, какой же сегодня день по старому календарю.

– Варяг, что ты решил? – Хам с недовольной гримасой жевал капсулу антирада. – Когда уезжаем?

– Догружаем прицеп. – Порфирьев остановился перед выходом, и его снаряжение немедленно слилось с грязной резиной палаточных стен. – Под завязку, чтобы к нам было меньше претензий. Потом подгоняем аэросани и грузим их всем, на что укажет Овечкин. Если в результате сможем привезти в Центр крышу для внешнего ангара, то цель достигнута. Иначе ничего не изменится. За полтора часа до интоксикации выезжаем. За час отойдем подальше и развернем базу. Миронов предупреждал, что полностью загруженные аэросани с прицепом быстро не поедут, так что за один цикл все равно не вернемся. Поэтому сейчас будем грузить столько, сколько хватит времени. Начинаем сворачивать базу!

Как только спецпалатку упаковали, амбал со своими безропотными блондинами ушел проверять транспорт, и лейтенант повел остальных в частично опустошенный продовольственный склад. Где выделил Антону пару солдат и удалился с остальными догружать аэросани продовольствием. Выданные солдаты потребовали от Антона распоряжений. Почувствовав себя хозяином положения, Овечкин сразу принялся за дело. Он указывал, как разбирать стеллажи, где именно разрезать стенки контейнеров и борта ящиков, посылал Дно в соседние складские помещения, со входов в которые вчера были сняты вражеские мины. Дно составлял список незанятых товарами конструкций и опустошенных незнакомцами контейнеров, и если б не нехватка оборудования для демонтажа, дело двигалось бы еще быстрее. Потом с улицы вернулся Порфирьев и отобрал единственный резак. Оказалось, что ночью температура опустилась сильно за минус сорок, в каньон врывались ураганы, и техника отказывалась заводиться. Поэтому единственный доступный способ ее реанимировать – это нагреть резаком соответствующие элементы масляной системы. Услышав это, Антон искренне понадеялся, что амбал знает, что делает, и ничего не взорвет или не прожжет насквозь. Но злобный нацик посоветовал ему пошевеливаться, потому что погрузка идет слишком медленно, и ушел.

Технику троица Порфирьева завела. К счастью, обошлось без эксцессов. Но самому Антону это вышло боком, потому что вернувшийся Порфирьев заявил, что экспедиция не укладывается в сроки, и заставил работать всех. Пришлось вместе с солдатами таскать нарезанные листами борта контейнеров и штанги разобранных стеллажей. Без усилителей конечностей много Овечкин унести не мог, но это не остановило амбала. Он объединил Антона в пару с Дном и все равно отправил заниматься неквалифицированным трудом. Овечкин пробовал возразить, что без него процесс подбора материалов забуксует еще сильнее, но контуженый мизантроп изрек, что с подбором материалов все и так понятно, а рабочих рук не хватает. Пришлось надрываться на погрузке до тех пор, пока лейтенант со своими бойцами не закончил грузить аэросани. Только после этого мизантроп в погонах отстал от Антона, приказав ему заниматься демонтажом конструкций.

За полтора часа до окончания цикла антирада Порфирьев наконец-то приказал закончить сбор материалов для крыши и разрешил грузиться на транспорт. Пока все, навьюченные поклажей, в последний раз брели по длинным, погруженным во мрак, грязным коридорам Росрезерва, Овечкин улучил минуту, выключил фонарь и отстал от остальных, укрывшись за дверью продовольственного склада. Убедившись, что его отсутствия никто не заметил, он достал заранее приготовленный острый кусок какой-то железки и торопливо нацарапал на металлической дверной створе послание кровожадным незнакомцам. Уложившись в несколько строк, он убедительно попросил их не минировать складов, воздержаться от агрессии и проявить спокойствие, свойственное цивилизованным людям. Антон указал, что его команда немногочисленна, неагрессивна и не представляет ни для кого угрозы. После чего призвал незнакомцев к мирному диалогу и попросил изложить свои намерения здесь же, под его постом.

– Овен! – рычание Порфирьева на фоне шипения помех прозвучало слишком чисто, и Антон понял, что нацик-человекофоб пошел его искать и находится где-то совсем близко. – Чем ты занят, твою мать?! Ты вроде как больше всех хотел уехать!

– Я здесь! – Антон отбросил железку и подхватил с пола заранее оставленный неподалеку лист разрезанной надвое боковой стенки складского контейнера. – Решил взять с собой это! Лист гофрированный, прочный, он подходит нам для крыши!

Не дожидаясь, пока амбал приблизится к воротам склада, Овечкин взвалил на себя тяжелую ношу и поковылял по мрачному коридору, светя под ноги нашлемным фонарем. Растворившийся в темноте силуэт Порфирьева появился рядом неожиданно и незаметно, Антон даже не понял, в какую именно секунду это произошло. Но дойти до складской воротины капитан не успел и нацарапанного послания не заметил. Амбал подхватил металлическую гофру с дальней стороны, облегчая Овечкину ношу, ничего не сказал, и они без эксцессов дотащили лист до грузового прицепа. Ворота в Росрезерв затворили и придавили каким-то крупным обломком, и Порфирьев даже не стал их минировать, чем сильно удивил Овечкина. Колонна медленно выползла из окутанного пыльной радиоактивной темнотой каньона на поверхность окутанной пыльной радиоактивной темнотой пустоши и двинулась куда-то сквозь завывающую ледяным ветром грязную ночь, которая на самом деле являлась днем.

Груженные под самую крышу кузовного тента аэросани, натужно завывая пропеллерами, двигались еще медленнее, чем ожидалось, и за последующие семьдесят минут экспедиции удалось отойти от складов Росрезерва едва на тридцать километров. До интоксикации оставалось меньше двадцати минут, и Порфирьев отдал приказ разворачивать базу. Все полезли наружу и приступили к ставшей привычной изнурительно-лихорадочной процедуре установки спецпалатки на время. Антон надрывался вместе со всеми и искренне надеялся, что в этом месте забытой богом и раскаленной от холода пустоши, за сутки ожидания на них не натолкнутся ни вражеские роботы, ни спешащие на склады кровожадные головорезы, которые с подачи капитана получили название «вероятный противник».

* * *

– Граждане Центра! Не покидайте жилых помещений! Не открывайте двери людям, в которых вы не уверены! Не поддавайтесь на провокации террористов! – Глухое звучание динамиков системы оповещения тихо пробивалось сквозь задраенный входной люк медицинского отсека. – Не оказывайте помощь преступникам! Террористы не остановятся ни перед чем, чтобы реализовать свои кровавые планы! Если вас под страхом смерти принудили к работе на террористов, не оказывайте сопротивление, саботируйте их требования неявно!

Судя по монотонным ударам, слабо доносившимся из-за люка, кто-то пытался разбить защитные панели, под которыми в потолке коридора были скрыты динамики системы оповещения. Добраться до них было непросто, но в силу небольшой высоты потолков эта задача не являлась неразрешимой. Тот, кто хотел уничтожить динамики, долбил защитную панель чем-то тяжелым вот уже полчаса, и сейчас, похоже, все-таки добился успеха. Что-то громынуло, как будто с потолка на пол рухнуло нечто твердое, затем один за другим раздались хлопки выстрелов, и сообщение женщины-диктора оборвалось на полуслове. Данное обстоятельство было встречено довольным хором нестройных голосов, тоже женских, но совсем не столь уравновешенных. Одержавшие победу над громкоговорителем издали победный вопль, и в коридоре раздались их возбужденные крики:

– Не слушайте их! Это вранье! Мы никого не убиваем! Мы хотим свергнуть Брилёва и его хунту палачей! – Судя по тому, что один из голосов звучал громче и отчетливее остальных, говорящая женщина пользовалась мегафоном. – Присоединяйтесь к нам! Положим конец диктатуре!

Два или три женских голоса приблизились, и по задраенному люку медотсека забарабанило что-то металлическое.

– Эй вы! Открывайте! – нервно закричала одна из террористок. – У нас раненые истекают кровью! Доктор Снегирёва! Ты же давала клятву Гиппократата! Если они умрут, их смерть будет на твоей совести!

– Не обращайтесь внимания, док, – одна из охранниц, занявших позиции за баррикадой, жестом остановила выглядывающую из дверей диагностического кабинета Ингеборгу. – Это провокация. Они хотят получить в свои руки медотсек и единственного врача, чтобы диктовать условия администрации. Мы этого не допустим.

Охранница повысила голос и крикнула, обращаясь к находящимся снаружи:

– Она тебя не слышит! Мы заперли ее в стационаре, дотуда даже выстрелы не доносятся, можешь не надрываться зря!

– Открой люк, брилёвская подстилка! – За люковой плитой взъярились сразу несколько женщин. – Где твое женское достоинство, шлюха?! Думаешь, легла

под брилёвских кобелей и стала выше всех?!! Тебе самой не противно?!!
Открывай, мы ничего тебе не сделаем, валяйся, под кем хочешь, нам нужен медотсек для раненых!!! Если кто-нибудь из них умрет, ты за это ответишь!!!

– Вот видите, док, – охранница грустно вздохнула. – Все то же самое, что сутки назад: оскорбления, угрозы, требования подчинения. Обычные действия террористов.

– Если у них умирают раненые, – осторожно произнесла Ингеборга, – можно понять их гнев...

– У нас тоже есть раненые, – солдат-весельчак, за сутки не улыбнувшийся ни разу, хмуро указал пальцем на надетую на ухо гарнитуру рации. – Наши сообщают о серьезных потерях среди работников биоферм. При этом никто из террористов не спешит требовать от вас оказать помощь раненым там людям. Орут только за своих! Так что без медпомощи сейчас и мы, и они. Все в равных условиях!

Он потянулся к пульту рабочего места дежурной медсестры и ткнул в один из сенсоров. Размещенная в полочной панели система оповещения ожила, и в приемной громко зазвучал голос женщины-диктора:

– ...не верьте террористам, они обманом вовлекают вас в свои ряды! Пока вы погибаете ради их жажды власти, сами они грабят биофермы! Технический уровень захвачен террористами! От их рук погибли и пострадали более ста сотрудников биоферм! Террористов не останавливает даже то, что разграбленные биофермы могут погибнуть, и вместе с ними погибнем все мы! Администрация предпринимает самые отчаянные меры, чтобы взять ситуацию под контроль, но нас меньше в двадцать раз! Мы несем потери, но сделаем все, чтобы вернуть в Центр мир и спокойствие! Но террористы захватили реактор и распределительную подстанцию! У нас нет электричества, отключено водоснабжение, работает только аварийное питание, но мы не сдаемся и продолжаем предпринимать попытки отбить у террористов реактор! Они угрожают обесточить системы воздухообеспечения, если мы не сдадимся! Клянемся, что будем стоять до последнего глотка воздуха! Администрация настоятельно рекомендует гражданам не поддаваться на ложь террористов...

Из коридора донесся целый взрыв возмущенных криков и яростных воплей:

– Вранье!!! Брилёвская хрень! Пропаганда палачей! Женщины! Не верьте этому кобелиному вертепу и их подстилкам! Мы не грабили биофермы, там заправляет военная хунта! Присоединяйтесь к нам, вместе мы возьмем власть в свои руки! Не слушайте ложь и пропаганду!

Какая-то из возмущающихся, видимо, имеющая власть среди террористов, громко приказала:

– Надо заставить заткнуться все громкоговорители и прекратить поток лжи! Гаяне, Сафият, возьмите активисток и еще раз проверьте все коридоры! Аня, Маша, берите своих и обходите жилые номера! Стучите в двери, убеждайте людей не слушать лживую пропаганду! – Она сильно повысила голос: – Люди! Женщины! Не верьте диктатору и его кобелям! Вступайте в наши ряды! Мужчины! Докажите наконец, что вы мужчины! Помогите нам добиться справедливости! Помните, что гибель каждой активистки, отдавшей жизнь за наши права, будет на вашей совести!

Солдат лишь хмуро покачал головой и перевел на Снегирёву невеселый взгляд:

– Комментарии излишни, док. – Он выключил трансляцию диктора, чтобы не мешала слушать происходящее за люком. – Если не вступишь в террористы – то что-нибудь обязательно будет на твоей совести и так далее. Возвращайтесь к себе. Если террористы захватили технический уровень, значит, у них есть строительное оборудование. Рано или поздно они пойдут на штурм медотсека, и нам придется туго. У нас всего два ствола и четыре электрошокера. Если они взломают люк, вечно сдерживать их мы не сможем. Будем отступать вглубь медотсека, последовательно обороняя двери.

– Медицинское оборудование не рассчитано на сражения. – Ингеборга беспомощно переводила взгляд с охранниц на засевшего в делях самодельной огневой точки солдата. – Если здесь начнется стрельба, оно все погибнет!

– Будем надеяться, что у них хватит мозгов это понять, – весельчак лишь вздохнул. – Может, нашим удастся прорваться сюда. Сверху сообщают о готовящейся контратаке. Идите к себе, док, – повторил он. – Мы будем держать вас в курсе.

Крики за люком вновь усилились, и террористы принялись долбиться в люк с удвоенной силой, выкрикивая требования открыть медотсек вперемешку то с уговорами, то с угрозами в адрес Снегирёвой, солдат и охранниц. Ингеборга вернулась в свое жилище-кабинет и машинально бросила взгляд на наручный коммуникатор. Устройство, соединенное с искусственным интеллектом медотсека, сообщало о нахождении большинства оборудования в режиме гибернации. После того как террористы вырубili электричество, с Ингеборгой лично связался Брилёв и попросил экономить резервную энергию, насколько это возможно. С того момента осаждаемый террористами вход в медотсек не открывался, и медицинское оборудование не использовалось, поэтому Ингеборга отключила освещение в пустом стационаре и операционной.

Охрана медотсека разделилась на две смены, по одному солдату и две охранницы в каждой, и задраенный входной люк находился под постоянным наблюдением. Пока одна смена держала оборону, другая отдыхала или спала там же, в приемной, на сдвинутых по углам сиденьях. В санузел стационара можно было пройти через диагностический кабинет и лабораторию, поэтому Ингеборгу особо никто не беспокоил. В другой обстановке она бы наконец-то выпалась, но от известий о террористах в сознании всплыли тщательно утопленные страхи. Стоило ей закрыть глаза, как начинались кошмары. Черноволосые черноглазые люди с криками «Аллах акбар!» взрывали что-то прямо на себе, и заполненный людьми пассажирский самолет падал с огромной высоты, окутанный огнем и разваливаясь на части. Ингеборга вскакивала, просыпаясь, и уснуть вновь подолгу не удавалось. В щемящем болю подсознании роились тревожные тени, учитывая, что девяносто процентов населения бункера были темноволосы и темноглазы, включая ее собственную охрану, и каждую секунду Ингеборга ждала какой-нибудь беды.

Она даже хотела переложить пистолет из-под корсета в карман медицинского халата, но сразу же оказалось, что носить его там незаметно не получится, и от этой мысли пришлось отказаться. В случае смертельной опасности мгновенно извлечь оружие не удастся, поэтому Ингеборга старалась не выходить дальше дверей операционной. Если террористы все-таки вскроют люк и смогут ворваться в медотсек, она успеет запереться в операционной или в своем кабинетике, и этого времени ей хватит, чтобы достать капитанский подарок. Девушка с тревогой посмотрела на хронометр коммуникатора. До возвращения экспедиции осталось несколько часов. Если в дороге их ничего не задержит, то через час-два после полудня текущих суток Порфириев и его люди должны быть в бункере. Им потребуется медицинская помощь, но медотсек отрезан террористами от первого уровня, оставшегося под контролем администрации.

Если в ближайшее время люди Брилёва не восстановят контроль над бункером, то рассчитывать остается лишь на то, что организмы участников экспедиции выдержат еще одну интоксикацию без летальных и катастрофических последствий. Солдат-весельчак говорил, что готовится контратака. Наверное, Брилёв тоже понимает, что экспедиции необходимо срочное лечение, поэтому пытается принять экстренные меры.

Вообще, понять, что происходит в бункере, было сложно. Вчера днем, когда вспыхнул мятеж, террористы едва не захватили весь «Подземстрой». Администрация посредством системы оповещения сообщила, что потеряла второй и третий уровни, и сотни оголтелых убийц штурмуют первый. Террористы захватили реактор, биофермы, центральную распределительную станцию и отключили подачу энергии. Последние оставшиеся в живых охранники третьего уровня заблокированы на каких-то складах и отчаянно отбиваются, пытаюсь выжить, но предотвратить разграбление биоферм они не в силах. На третьем и первом уровнях идет отчаянное сражение, льется кровь, гибнут люди, и администрация просит добропорядочных граждан Центра надежно запереться и не покидать свои номера. А тем, чьи жилые зоны были выстроены согласно Положению об Особом Положении по программе увеличения жилых площадей и не имеют возможности герметичного запираания, рекомендовано объединиться друг с другом, добраться до ближайшей разграничивающей подуровни гермопереборки и запереть ее. И не открывать до особого указания администрации.

Динамики системы оповещения без устали передавали призывы не присоединяться к террористам, не открывать им и не поддаваться на провокации. Так как система оповещения имела в каждом помещении Центра, обращение администрации гарантированно услышал каждый. Поначалу вроде как многие последовали ее советам. Центр мог провисеть на резервном питании несколько суток, вентиляция работала, вода в номерах была, обед закончился пару часов назад. Но без биоферм и складов продовольствие наверх не поступало, и к ужину ресторанам оказалось нечем кормить людей. Это вызвало всплеск разнонаправленной агрессии. Одни жители обвиняли во всем террористов, другие – администрацию. Население разделилось, кто-то поспешил запереться понадежнее, кто-то, наоборот, вступил в ряды мятежников, чтобы попасть на биофермы. Но на третьем уровне шел постоянный бой, и вернуться оттуда с продуктами было не так просто. Администрация утверждала, что террористы разрушают биофермы и набивают животы прямо там, потому что не могут выносить награбленное под огнем уцелевшей охраны. Террористы заявляли, что они не трогали биофермы, потому что не могут к ним пробиться.

Попутно они клялись, что реактор не захватывали, но в это уже верилось с трудом, потому что отключение основного питания бункера было на руку как раз им, а не администрации. Без основного питания централизованная система видеонаблюдения была бесполезна, и администрация не имела возможности использовать видеокамеры для получения информации о действиях террористов. Помимо этого, без центрального питания администрация не могла дистанционно блокировать двери, люки и прочие переборки, что не позволяло ей противодействовать распространению террористов по бункеру. Поэтому администрация и обращалась к гражданам с убедительной просьбой запереться самим и не впускать к себе террористов. Террористы тоже агитировали, обвиняя администрацию в лжи и призывая вступать в свои ряды, заявления сторон противоречили друг другу, и, будучи запертой в медотсеке, фактически отрезанном от остального бункера, разобраться в истинном положении дел было невозможно.

Но выстрелы, время от времени гремящие в центральном коридоре, слышались хоть и глухо, но вполне отчетливо, и это не добавляло Ингеборге желания открыть люк. Может быть, там, снаружи, действительно есть раненые, они даже наверняка там есть, но попасть в руки чернявых черноглазых людей с оружием ей не хотелось совершенно. Вроде бы каждый должен понимать, что без врача и медотсека бункер долго не проживет, но... Но те, кто взорвал заполненный людьми пассажирский самолет тоже понимали, что обречены. И это им не помешало. В памяти невольно всплыла надпись, сделанная краской на стене мединститута кем-то неизвестным пару лет назад: «Ты можешь сколько угодно дружить с черными, а потом они тебя убьют, потому что решат, что ты не Ришат». Надпись тогда закрасили, виновного нашли, отчислили и посадили по какой-то там статье, полагающейся за это преступление. Помнится, в тот день Ингеборга не одобрила эту надпись. После гибели родителей она боялась любого чернявого человека, обращавшего на нее взгляд, но в конце концов страх удалось загнать глубоко внутрь. В конце концов, глупо бояться темных, особенно если ты единственная натуральная блондинка на весь универ и на весь фитнес-центр.

Но страх и воспоминания вернулись вчера, вместе с грохотом выстрелов. Из-за задраенного люка звуки доносятся плохо, но вроде никто там не кричит «Аллах акбар». Хотя это успокаивает мало, потому что и среди жителей бункера, и среди администрации, мусульман процентов семьдесят, если не восемьдесят. Им попросту нет смысла доказывать друг другу очевидное, обе стороны и так знают, что он акбар. А вот что придет в их разгоряченные перестрелками

чернявые головы при виде светлоглазой блондинки, не имеющей к религии никакого отношения, проверять не хочется. Поэтому сама она отпирать медотсек точно не станет. Ей выделили охрану, вот пусть охрана и принимает решение, когда безопасно, а когда нет.

Ингеборга затрясла головой и болезненно скривилась. Что за мысли?! Это ненормально, это признак надвигающегося нервного срыва. Сейчас ей бы не помешала пара процедур, стабилизирующих перенапряженную нервную систему. Она не сильна в психиатрии, это никогда не было ее специализацией, но в перечень стандартных программ, заложенных в память биорегенератора, входит курс лечения несложных психологических сбоев. Вот только запуск биорегенератора требует много энергии, а бункер сейчас висит на резервном питании. Можно попросить разрешения у Брилёва, но администрации сейчас не до такой ерунды. Лучше подождать. А со страхами она справится сама, не привыкать.

Наручный коммуникатор тихо завибрировал, и девушка коснулась вставленной в ухо гарнитуры, увеличивая громкость. Система оповещения передавала экстренное сообщение администрации.

– Внимание! Граждане Центра! – голос женщины-диктора звучал неровно, было заметно, что она изо всех сил старается спрятать испуг. – Передаем экстренное предупреждение! Террористы не смогли сломить наше сопротивление и поняли, что силой захватить власть им не удастся! Две минуты назад они обесточили систему воздуховоснабжения! У нас и так нет воды и света, теперь они решили нас задушить! Мы обращаемся ко всем террористам: одумайтесь! Вы подвергаете опасности жизни всего населения бункера! Инженерная команда предупреждает, что систему воздуховоснабжения невозможно отключить адресно! Отключив административные площади от подачи воздуха, вы заблокировали подачу кислорода во всех административных и служебных площадях, включая центральные и боковые коридоры! Администрация предупреждает всех граждан Центра: не покидайте своих номеров! Не нарушайте их герметичность! Если вы силой нарушите аварийную блокировку, восстановить ее вы уже не сможете, и ваш номер начнет терять кислород! Не выходите в коридоры, там может скапливаться углекислый газ! Не верьте террористам! Они попытаются выманить из номеров как можно больше людей, чтобы не позволить нам восстановить порядок! Они вышвырнут вас в коридоры и займут ваши номера, в жилые помещения воздух все еще подается! Повторяем: не поддавайтесь на провокации и не покидайте свои номера! Сейчас мы соберемся с силами и

попытаемся отбить у них распределительную станцию! Не попадите под пули! Если в вашем номере ощущается спертость дыхания, лягте на кровать, дышите ровно, старайтесь не делать лишних...

В этот момент динамики сильно зашипели, забивая голос диктора, и стало слышно, как на заднем плане кто-то из мужчин торопливо кричит кому-то еще:

- Нас блокируют! Они добрались до цепей энергообеспечения узла связи! Сейчас система вырубится!

- Переводи на другую линию! - также невнятно кричал ему в ответ другой мужской голос. - Переключай на тре...

Что-то громко щелкнуло, и система оповещения умолкла. Ингеборга покинула свой кабинет и поспешила в приемный покой. Занявшая оборону охрана встретила ее вопросительными взглядами.

- Вы слышали экстренное сообщение? - Ингеборга старалась сохранять спокойствие.

- Про отключение воздуховодов в административной части? - уточнил солдат-весельчак.

- Медотсек тоже является административной площадью, - неуверенно произнесла девушка.

- Пока работает, - солдат кивнул на вентиляционную решетку, за которой неслышно вращался вентилятор. - Думаю, медотсек находится на отдельном воздухопроводе. Это было бы логично, больница все-таки.

Из-за задраенного люка раздался глухой шум, и где-то в глубине центрального коридора зазвучал усиленный мегафоном женский голос:

- Люди! Не верьте кобелиной хунте! Это ложь! Мы ничего не отключали! Мы не захватывали реактор! Мы не грабим биофермы, там идет бой! Женщины! Вступайте в наши ряды! Если у вас есть мужчина, отправьте его сражаться за вашу же свободу!

К ее словам присоединился плохо различимый многоголосый шум, видимо, сторонницы поддерживали свою начальницу, и солдат-весельчак устало скривился:

– Опять та же песня. У меня от их визга уже уши болят. Аллах свидетель – не вру! Док, если что, я первый в очереди на лечение, когда все это закончится!

– Хотела бы я представлять, когда наступит это самое «закончится», – Ингеборга с тревогой посмотрела на вентиляционную решетку. Вентилятор по-прежнему работал.

– Скоро, док! – ободрил ее весельчак. – Если они перекрыли нашим кислород, то долго это продолжаться не может. Наши пойдут в контратаку, у них просто нет другого выбора.

Но все оказалось иначе. Прошло три часа, но никакой контратаки не произошло. Из центрального коридора продолжали доноситься призывы террористов и прочий шум, но стрельбы не было. Зато оказалось, что инженеры Брилёва не ошиблись, и воздуха в нем стало не хватать. Крики и шум в коридоре становились все тревожнее, и в какой-то момент превратились в разъяренный визг. Зазвучали беспорядочные выстрелы, и выскочившая на шум Ингеборга решила, что началась та самая контратака. Оба солдата заняли позиции за баррикадой, охранницы разделились попарно и замерли по бокам от входного люка с шокерами в руках, приготовившись бить в спину врывающихся в люк террористов.

– Док, если люк начнет открываться, спрячьтесь где-нибудь в операционной, – велел ей солдат-весельчак. – Не оставайтесь тут. Помочь нам не сможете, только под пули попадете зря!

Однако вскоре стало ясно, что ни штурма, ни контратаки не происходит. Доносящиеся из центрального коридора выстрелы перемежались с разъяренными возгласами и частыми многочисленными ударами металла о металл, словно толпа ломала двери где-то дальше. Из-за этого далекого и глухого шума Ингеборга не сразу услышала тихий гул, доносящийся откуда-то из толщи стен как раз там, где находились вентиляционные решетки.

– Что-то шумит! – Она с тревогой прислушалась и торопливо направилась к вентиляционной решетке. Воздухопровод располагался под самым потолком, достать до него Ингеборга не смогла, поэтому поднялась на носочки и прижалась ухом к стене: – Это где-то в вентиляции!

Одна из охранниц отделилась от стены и подошла к ней. Дородная женщина посмотрела на работающий вентилятор, на всякий случай послюнявила палец, тоже встала на носочки и вытянула руку, поднося палец к решетке.

– Работает, – сообщила она. – Воздух поступает. – Охранница повторила движение Ингеборги, секунду вслушивалась в низкое гудение и резюмировала: – Это не у нас! Наверное, воздуходоснабжение запустили, и система нагнетает воздух в коридоры.

Тем временем шум в коридоре начал стихать, выстрелы прекратились, и на какое-то время все стихло. Минут пять ничего не происходило, и весельчак велел Ингеборге возвращаться к себе. Она подумала, что делать ей здесь действительно нечего, тем более все успокоилось, и направилась к двери в диагностический кабинет. Девушка проходила мимо держащих на прицеле входной люк солдат, как вдруг гарнитура одного из них, того, что почти всегда молчал, ожила и неожиданно зазвучала болезненным женским голосом:

– Гордая вызывает Независимых, Гордая вызывает Независимых! Положение критическое, мы умираем от удушья, открывайте медотсек! Больше скрываться нет смысла!

В глазах весельчака мелькнуло недоумение, и он все понял. Его лицо исказилось гримасой ненависти, солдат вскинул автомат и направил его на непонимающе переглядывающихся охранниц:

– Ну, давайте! – зло процедил он. – Открывайте, сучки! Попробуйте!

Его напарник тоже взял охранниц на прицел и попятился, отходя от весельчака на пару шагов. Внезапно он резким движением развернул автомат в сторону весельчака и дал короткую очередь. Голова весельчака брызнула кровавыми ошметками, заляпывая разможенной мозговой тканью пробитую пулями стену, и солдат вторым рывком направил оружие на охранниц. Одна из них, самая молодая, с коротким каре рыжих волос, бросилась на него, сверкая стеклянным

взглядом. Следом за ней в самоубийственную атаку ринулась другая, та самая, что проверяла вентиляцию, потом третья, и ошеломленная Ингеборга застыла от ужаса. Солдат коротким движением перенаправил ствол с ближайшей охранницы на вторую и выстрелил. Пули пробили женщине грудь, она споткнулась и рухнула на собранные в баррикаду стулья. Ее дородное тело забилось в агонии, и солдат, не останавливаясь, перенес огонь на третью охранницу. Очередь сбила ее с ног, несколько пуль прошли мимо, вонзаясь в пол, но солдат изменил прицел, и следующая пуля вонзилась ей щеку, выходя из затылка кровавым фонтаном. В эту секунду рыжая охранница достигла баррикады. Но вместо того, чтобы накинуться на солдата, она быстрым движением метнулась к убитому весельчаку, схватила его автомат и длинной очередью расстреляла последнюю из сослуживиц, так и не двинувшись с места.

– Хватит! – одернул ее солдат. – Хватит, твою мать!!! – рявкнул он, и охранница прекратила стрелять. – Она уже мертва! – Он нервно прицелился в содрогающуюся голову толстухи и одиночным выстрелом добил ее. – Открывай!

Рыжая охранница, сжимая в руках автомат и сверкая полубезумным взглядом, бросилась к люку. Видимо, для нее это было первое убийство, потому что, перешагивая через трупы, она изо всех сил старалась не наступить на окровавленные тела, словно боялась быть не то проклятой, не то схваченной мертвецами.

– А ты! – Тяжело дышащий солдат схватил Ингеборгу за шею, отволол в угол и толкнул в ближайшее неперевернутое кресло. – Сиди здесь и не рыпайся! Не вынуждай меня!

Ингеборга потеряла равновесие и едва не полетела лицом в подлокотник. Пришлось подставлять под удар неуклюже согнутую в колене ногу, и в пластиковый подлокотник врезалась голень. Кость обожгло сильной болью, и девушка упала на сиденье, невольно хватаясь ладонями за разбитое место. Перед глазами, сменяя друг друга, словно ужасающий калейдоскоп, одна за другой мелькали жуткие картины: взрыв и объятый пламенем разваливающийся самолет из сна; кровавые брызги вперемешку с осколками разможенных пулями черепов и падающие тела охранниц; испуганно-истеричный и одновременно бешеный взгляд солдата, в упор расстреливающего своего сослуживца-весельчака... Сознание отказывалось понимать, что происходит, и боль в разбитой ноге была единственным по-настоящему реальным ощущением.

Тем временем рыжая охранница отперла входной люк и принялась отодвигать его тяжелую стальную пластину. В первую секунду она с трудом сдвигала толстый люк, потом ей пришли на помощь снаружи, и усиленная люковая створа быстро распахнулась. Из полутемного коридора в медотсек прямо по трупам охранниц беспорядочно хлынула толпа задыхающихся растрепанных женщин, и приемный покой за пару секунд оказался забит измученными людьми.

– Не закрывайте! – Одна из них, на вид самая полная и возрастная, лет пятидесяти, нетвердым жестом остановила нескольких спутниц помоложе, вяло попытавшихся запереть входной люк.

– Там воздуха нет! – возразила ей одна из них, отирая рукой покрытое потом лицо и одновременно пытаясь отдышаться. – Надо запереться, не то здесь тоже не будет! Они откачивают кислород!

– Не откачают! Мы заткнули вентиляцию! – Судя по голосу, эта пятидесятилетняя женщина и была той самой Гордой, которая вызывала по рации «Независимых». – Вдруг наши сумеют взломать переборку и добраться сюда! Если запремся, кто-нибудь может погибнуть, пока будем открывать! – Она обернулась к рыжей охраннице: – Азиза! Вам отключили воздух?

– Нет, – охранница невольно пятилась подальше от входа, ощущая, как вблизи него становится трудно дышать. – У нас все работает!

– Они не станут рисковать медотсеком, я же говорила! – На лице старой женщины возникла смесь злобы и удовлетворения. – Брилёв струсит остаться без врача и медицинского оборудования! Особенно после того, как Снегирёва выяснила, что он все еще облучен! Азиза! Где эта моль?

– Да вон она! – раздался знакомый и полный ненависти голос. Вместо рыжей охранницы из толпы вылезла Зарема и бросилась к Ингеборге, сотрясаясь жирным телом в такт неровным шагам. – В углу прячется, сучка белобрысая! – Зарема подскочила к Ингеборге и вцепилась ей в волосы толстыми сардельками пальцев: – Убью, дочь шайтана!

Толстуха рванула ручищами, стремясь вырвать клочок волос, но в эту же секунду Ингеборга вскочила на ноги, врезаясь в тушу медсестры всем телом, и Зарема

потеряла равновесие. Чтобы не упасть, она инстинктивно разжала пальцы и неуклюже взмахнула руками, отступая. Удержавшись на ногах, Зарема вспыхнула яростью, злобно взвыла и скрючила пальцы, словно собиралась выцарапать Ингеборге глаза. Она бросилась на прикрывающуюся руками девушку, но тут же натолкнулась на автоматный ствол.

– Отвали от нее! – Солдат грубо толкнул Зарему стволом, и та отпрянула, с громким оханьем хватаясь за грудь. – Она заложница! Это наш козырь в торгах с Брилёвым! Без нее он не станет нас слушать!

– Да как ты смеешь, кобель! – взвыла медсестра, но драться с солдатом не полезла. Вместо этого она запричитала еще сильнее: – Женщины! Он сломал мне ребра! Да что же это делается?! За что боремся?!

– Успокойтесь, Зарема Викторовна! – властно заявила главная мятежница. – Валентин прав! Снегирёва – наш самый сильный козырь, мы используем это! А вы, Валентин, немедленно извинитесь! Как вы могли поднять руку на старую женщину?! Вы же не такой, как все эти убийцы!

– Если она все испортит – мы все тут подохнем! – окрысился солдат. – Брилёву на вас плевать, пусть хоть весь второй уровень вымрет – ему так даже лучше! Эта высокомерная стерва, – он вновь схватил Ингеборгу за шею и швырнул на стул со злобным шипением: «Сидеть, я сказал!», после чего обернулся к старухе и закончил: – единственное, ради чего он станет торговаться!

– Не единственное! – Зарема поняла, что ее жалобы о полученных травмах не возымели действия, и снова взвилась: – Это медотсек! Здесь медицинское оборудование и биорегенераторы! Без них эта бледная моль ничего не сделает! Зато я могу лечить людей без нее!

– Так, как она, ты лечить не можешь, – солдат глядел на медсестру, не скрывая враждебности и презрения. – Мы это уже проходили! Пока есть она, – он, не глядя, кивнул куда-то в сторону Ингеборги, – никто за тебя торговаться не станет! А медотсек – это еще не все! На складах Росрезерва есть два биорегенератора, Брилёв уже говорил, что планирует привезти их сюда!

– Пусть сначала привезет! – Жирная медсестра едва не лопалась от злости. – Это когда еще будет! Если будет! – Она выхватила из складок одежды обломок

какой-то железки: – Я выбью этой обнаглевшей стерве глаза, и без нее Брилёв сам встанет передо мной на задние лапки!

Она снова ринулась к Ингеборге, размахивая дубинкой, но солдат встретил ее ударом ствола в грудь и с красноречивым щелчком снял автомат с предохранителя.

– Шакал! – Зарему согнуло от боли, и она натужно засипела: – Неверный выродок! Шайтан!

Рассевшиеся на полу едва отдышавшиеся женщины, наблюдавшие за происходящим, повскакивали и нервно заголосили, возмущенно вопя обвинения в адрес непонятно кого. Судя по тому, что почти сразу между ними вспыхнули словесные ссоры, не все из них встали на сторону Заремы.

– Валя! – истерично взвизгнула рыжая охранница, бросаясь к солдату. – Перестань сейчас же! Что ты себе позволяешь?!

Она добралась до солдата, испуганно перешагивая через трупы и спотыкаясь о рассевшихся на полу женщин, и набросилась на него с упреками. Под градом истеричных фраз солдат съежился, опустил глаза и тщетно пытался оправдываться, но было видно, что перечить девушке он боится.

– Дамы! – главная мятежница перекричала общий гвалт. – Прошу всех сохранять спокойствие! Мы боремся за общее дело, должны сохранять единство! Используем любое преимущество, которое позволит нам взять за горло диктатора!

Она принялась пробираться через ругающихся женщин в угол, где развернулся конфликт солдата с медсестрой, на ходу убеждая всех прекратить ругань. Так или иначе ее послушались, и женский гвалт с визгливых криков снизился до возмущенного шепота. Добравшись до Заремы, жалующейся окружившим ее женщинам на шайтана-солдата и одновременно бросающей полные ненависти взгляды на Ингеборгу, главная мятежница принялась успокаивать медсестру.

– Мы заставим их заплатить за все, – убедительно вещала она, заботливо держа Зарему за руки, – за унижения и преступления! Но делать это нужно с умом! Если Брилёв считает Снегирёву настолько важным товаром, используем это! Мы

все это обсуждали, Зарема Викторовна! Сначала мы должны увидеть его реакцию! Кроме того, мы могли бы использовать Порфирьева, кто-то должен возить продукты из Росрезерва!

– Порфирьеву на нее наплевать! – Черные глаза Заремы сверкали злобой. – Он фашист и нацик, вы же слышали рассказы Инженера Овечкина! Ему даже на русских плевать, он ненавидит всех, кто не светлоглазый натуральный блондин! А эту шайтанову моль он даже в постель к себе не пускает! Почему?! Да потому что он стал импотентом от многократного облучения! Ему женщины не нужны! Или потому, что она лечит небелых, и он ненавидит ее за это! На него нельзя рассчитывать!

– И не будем! – немедленно согласилась с ней старая мятежница. – Но это потом, сейчас нужно победить! Не знаю, как для Порфирьева, а для Брилёва Снегирёва ценна – используем это! Давайте поговорим с ней! Она же женщина, наверняка она на нашей стороне!

Главная мятежница обернулась к Ингеборге и сделала шаг, разглядывая девушку, забившуюся в кресло с ногами. Блондинка словно отгородилась от внешнего мира коленями и угрюмо смотрела исподлобья на темноволосую толпу, будто каждую секунду ожидала удара.

– Доктор Снегирёва... – начала было предводительница, но ее тут же перебила Зарема.

– Какая она «доктор»! – истерично взвизгнула толстуха. – Сопливая малолетка, бессовестно подделавшая пару сертификатов! Я требую прекратить называть ее доктором! Это оскорбление для всей медицины!

– Зарема Викторовна, – мягко произнесла старая мятежница, на секунду оборачиваясь к толстухе: – Прошу не перебивать и сохранять спокойствие. – Она вновь посмотрела на блондинку: – Ингеборга Игоревна, уверена, как медицинский работник вы не можете спокойно смотреть на злодеяния, которые совершает хунта диктатора, захватившего власть в результате кровавой бойни! От того, что происходит сейчас, зависит судьба всего бункера! Помогите нам восстановить закон, порядок и справедливость! Давайте вместе возьмем за горло диктатора и его похотливых убийц!

Несколько секунд она безрезультатно ждала ответа, потом поняла, что Снегирёва не собирается отвечать, и ее лицо из доброжелательного сделалось жестким:

- Отмолчаться не получится! Тебе придется сообщить общественности, на чьей ты стороне, или мы решим, что Зарема Викторовна права!

Мрачный взгляд Ингеборги сфокусировался на предводительнице, и девушка произнесла негромко, но достаточно твердо, чтобы быть услышанной:

- Я ни на чьей стороне. С того дня, как я попала сюда, я покидаю медотсек только ради того, чтобы поесть и побегать. Иначе, наверное, уже сошла бы с ума. Я не хочу и не буду принимать чью-либо сторону. Я все это время лечила людей и предпочту заниматься этим и дальше. Вы говорили, что у вас много раненых. Их можно прооперировать прямо сейчас. Где они?

- Не увиливай от ответа! - Зарема бросилась на Ингеборгу, но ее удержали женщины. - Дамы! Вы видели?! Эта высокомерная стерва считает всех нас ниже себя! Ей не до наших проблем!

- Где раненые? - упрямо повторила Ингеборга. - Если им нужна помощь, чего вы ждете?

- Раненых здесь нет, - нервно заявила старая мятежница. - Их невозможно вытащить в безопасное место! Убийцы Брилёва стреляют в каждого, кто пытается ползти за истекающим кровью человеком!

- Но вы же кричали из коридора, что смерть раненых будет на моей совести, - Ингеборга посмотрела мятежнице в глаза и указала на трупы охраны: - Зачем тогда погибли эти люди?

- Заткнись, сука! - взвизгнула рыжая охранница. Она попыталась ударить блондинку прикладом, но не дотянулась и пнула по сжимающей больную ногу руке.

На этот раз солдат не стал вмешиваться, и Ингеборга прижала ушибленную ударом кисть к животу. Ладонь легла на корсет, но из-за вспыхнувшей боли

девушка даже не почувствовала спрятанный под ним пистолет.

– Спокойно, Азиза! – главная мятежница властным окриком осадил охранницу. – Сейчас нельзя совершать ошибок! Сначала посмотрим, на что готов Брилёв ради своего доктора Снегирёвой! – Она подошла к Ингеборге вплотную и зло продолжила: – Сейчас расскажу тебе, зачем они умерли! Затем, чтобы не умерли все мы! Брилёв перекрыл все подуровни и откачал воздух из коридоров! Мы начали умирать от удушья! А запуганные его пропагандой люди боятся открывать нам двери своих номеров!

– Вы же захватили реактор и распределительную станцию, – недоверчиво произнесла Ингеборга. – Разве оттуда нельзя включить систему воздухообеспечения? Вы же как-то перекрыли воздух на первом уровне...

– Это ложь! – взъярилась главная мятежница. – Фейк, которым Брилёв пичкает общественность! Все не так! Вчера, когда мы начали восстание, сначала все пошло хорошо! Наши мужчины ворвались в оружейную комнату Службы Безопасности, добыли оружие и вырубili основное электропитание, чтобы Брилёв не смог заблокировать лифты! Одновременно с этим наши боевые команды, вооруженные тем, что собрала общественность, начали захватывать третий уровень! Но потом что-то пошло не так! С первого уровня стали сообщать о тяжелой перестрелке и множестве убитых и раненых! У них пулей повредило рацию, они могут только передавать, но ничего не слышат! Они просят подкрепления, мы отправляли туда отряды активистов, но каждый раз лифт приходит оттуда пустым, на вызовы по рации никто не отвечает! На третьем уровне происходит что-то непонятное, наш человек из Службы Безопасности, возглавивший захват биоферм, сообщает, что его команда заняла биофермы, но не может ни продвинуться дальше, ни вернуться назад с продуктами! Они тоже сообщают о множестве убитых и раненых и просят подкрепления! Мы отправляем туда отряды, но обратно лифт опять возвращается пустым! Связь с командами пропадает, а с биоферм сообщают, что нужны еще люди! Мы сутки сидим без пищи! Мы ничего не перекрывали и не отключали, мы даже не видели ни реактора, ни распределительной станции! Это Брилёв отключил электричество! Хочет настроить против нас общественность!

– Вы можете отправить разведчика на биофермы? – дрогнувшим голосом спросил солдат, и его глаза испуганно забегали, словно он понял нечто такое, чего больше всего опасался. – Не боевой отряд, а разведчика! Чтобы прошел незаметно! Нужно понять, кто контролирует биофермы!

– Мы пробовали! – нервно скривилась старая мятежница. – Лифт всегда возвращается пустым, а у нас осталась всего одна рация, по которой я вас вызвала!

– Используйте лестницу! – заявил солдат. – Нужно послать туда больше людей, пусть захватят ее! А потом отправят на третий уровень разведчика, тихо и без шума!

– Двери на лестницу оказались изнутри заварены металлом в несколько слоев, – предводительница скорбно покачала головой. – Мы пытались взломать их, но это бесполезно. Инструмента у нас нет, боевого оружия тоже, а то, что имеется, не пробивает металл, только вмятины оставляет!

– Мы можем попытаться пробить их! – воскликнула рыжая охранница, потрясая автоматом. – У нас есть боевое оружие! Валя! Идем!

– Сейчас туда не пройти, – остановила ее главная мятежница. – Когда Брилёв отключил подачу воздуха в нежилые площади, мы попытались распределиться по центральному коридору, чтобы держать его под контролем. Двери в наши собственные номера были открыты, и воздуха оттуда должно было хватить для дыхания! А потом, внезапно, все люки в подуровнях захлопнулись! Никто не ожидал, что их можно закрыть дистанционно, без основного питания!

– Это Миронов и его люди, – упавшим голосом произнес солдат. – Они все подготовили заранее... Я не знал... Нам сообщали, что идет подготовка к подавлению бунта, но каждое подразделение готовилось отдельно от других... Абрек следил за этим лично... Я чувствовал, что что-то не так, поэтому добился, чтобы меня направили охранять медотсек...

– Ты все сделал правильно! – Рыжая охранница обхватила его лицо ладонями и принялась успокаивать: – Если бы ты не перевелся сюда, я была бы уже мертва, а этот подонок Брилёв добился бы своего! Зато теперь мы вместе навсегда! Теперь мы возьмем его за горло и ...

– Нужно выбраться отсюда, пока нас не заблокировали снаружи... – солдат перебил рыжую охранницу полным страха голосом. – И объединиться с отрядами на третьем уровне! А пока нужно держать оборону здесь, как мы делали это,

когда захватывали бункер! Здесь медики и биорегенераторы, это наш шанс! Но нужны еще люди! С оружием! – Он обернулся к предводительнице: – Сколько у вас людей?

– Все тут, – она болезненно скривилась. – Остальных отрезало, когда люки в переборках между подуровнями заблокировались! Одновременно заблокировались все двери в номерах, и Брилёв начал откачивать воздух из коридоров! Его дикторы запугали людей, сказали, что если открыть дверь номера, то герметично закрыть ее будет невозможно, и воздух оттуда уйдет в коридоры. Но это ложь! На самом деле тем, кто открыл нам двери, тут же отключают систему воздухообеспечения! Люди это поняли и боятся открывать! В наших номерах воздуховоды больше не работают! Я не знаю, что случилось с теми, кто остался в других подуровнях! У нас были мегафоны, но я не слышу голосов! Мы сами чуть не задохнулись, поэтому я вас рассекретила!

– Все было подготовлено заранее... – теперь в глазах солдата царил ужас. Похоже, он только что осознал, что примкнул к обреченной стороне. – Нас предали... Абрек знал обо всем...

– Он не знал о тебе! – воинственно воскликнула старая мятежница. – И благодаря тебе у нас в руках медотсек и все медики! Те две малолетние шлюшки – ни о чем, так что теперь Брилёву придется идти на уступки!

Она демонстративно взглянула на наручный коммуникатор и обратилась к Ингеборге:

– Ты можешь продолжать быть ни за кого, если хочешь, мы не будем тебя заставлять! Но скоро с поверхности вернется экспедиция! В пятнадцать тридцать у них начнется интоксикация, осталось меньше трех часов! Им потребуется медицинская помощь, особенно Порфирьеву, он ведь облучен больше всех, не так ли? Вход в бункер в руках Брилёва, а медотсек – в наших! Подумай об этом!

– Что я должна сделать? – угрюмо спросила Ингеборга, пытаясь разминать опухшие от удара пальцы. – Я не хочу ничьих смертей.

– Сейчас мы свяжемся с Брилёвым и выдвинем ему ультиматум! – угрожающе заявила предводительница мятежников, будто Ингеборга и есть Брилёв. –

Подтвердишь наши слова, если он не поверит! – Она обернулась к солдату: – Валентин! Вызывай эту сволочь!

Мгновение солдат медлил, было видно, что ему страшно настолько, что его пугает уже сам факт того, что ему придется вызывать своего бывшего начальника. Рыжая охранница заметила его колебания и взяла его за руку.

– Сделай это! – проникновенно-требовательным тоном воскликнула она, заглядывая ему в глаза.

– Первый, ответь Тридцать третьему, – выдавил из себя в эфир солдат, переходя с частоты мятежников на частоту команды Брилёва. – Первый – Тридцать Третьему!

В эфире стояла полнейшая тишина, и минуты три никакого ответа не было. Солдат продолжал повторять вызов, и за это время побледнел настолько, что его густо конопатое лицо стало напоминать лист бумаги, случайно завалившийся куда-нибудь под шкаф и загаженный там тараканами. В ожидании ответа женские пересуды стихли, и даже Зарема прекратила возмущаться неслыханной наглостью и высокомерием Снегирёвой. Возрастающая нервозность солдата передалась рыжей охраннице, и она вновь взяла его за руку.

– Проверь рацию! – нервно велела она. – Может, сломалась! Или они перешли на другую частоту!

– Рация исправна! – недалеким от истерики тоном ответил он. – А на другую частоту они перешли, как только поняли, что я с вами! Но они все равно меня слышат, у начальства всегда активен режим радиосканера! Он не хочет отвечать!

– Сейчас захочет! – окрысилась старая мятежница и исполненным возмущения движением сорвала гарнитуру с уха солдата, цепляя ее на свое. – Эй, ты! Первый! – гневно воззвала она в эфир. – Брилёв! Мы захватили медотсек! У нас в руках Снегирёва и биорегенераторы! Если ты не ответишь, останешься без всего этого! Нам терять нечего! Тебе эта ситуация ничего не напоминает?! Мы пойдем до конца! Даю десять секунд или, клянусь Всевышним, я убью Снегирёву! И дальнейшие переговоры ты будешь вести с Заремой! Осталось девять секунд!

Восемь! Семь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/sergey-tarmashev/kazhdomu-svoe-3>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)